

Татьяна Коростышевская

Внучка бабы Яги

ВЛАДЫЧИЦА ВЕТРА

ИДДК

КНИГА 1

Татьяна Георгиевна Коростышевская

Внучка бабы Яги

Серия «Владычица ветра», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2827535
Внучка Бабы Яги: Альфа-книга; М.; 2021

Аннотация

Учение – свет, неученых тьма.

Что прикажете делать девушке, у которой проснулись способности к стихийной магии? Разумеется, учиться ими пользоваться. Ах, до ближайшей магической академии невозможно добраться? Ну, пусть бабушка поможет – она же ведьма. В затылок дышат таинственные вещуны, на дороге поджидают упыри и разбойники? Тогда надо ватагу друзей собрать – они защитят. А если в дело вмешается любовь? Тут уж никто не советчик.

Содержание

Глава 1. О добрых предзнаменованиях, народных обычаях и неудачном сватовстве	5
Глава 2. О новых знакомствах, волшебных предметах и делах давно минувших дней	32
Глава 3. О том, что у семи нянек дитя без глазу	61
Глава 4. Очень зимняя, в которой у героини просыпаются силы и ей предстоит отправиться в путь	85
Глава 5. Дорожная и очень грустная, в которой у путешественников появляется еще полтора спутника	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Татьяна Коростышевская

Внучка Бабы Яги

Посвящается маме, которая в меня верила

© Коростышевская Татьяна

© ИДДК

Глава 1. О добрых предзнаменованиях, народных обычаях и неудачном сватовстве

*Заря-заряница, красная девица, по лесу ходила,
ключи потеряла; месяц видел, солнце скрало.
Старинная загадка*

Ах! Какое замечательное бабье лето выдалось! Сочное оранжевое солнышко ласково припекало мою макушку, в воздухе носились запахи прелой листвы и невесомые ниточки паутины. Примета есть: на кого такая паутинка прилетит – тому в любви счастье. Недаром пауки считаются у нас символами домашнего благополучия.

Поминутно отплевываясь – счастливое предзнаменование так и норовило залепить губы, – я перехватила поудобнее корзинку с грибами. Только белые, другие бабушка и за грибы не признает. Ну, может, еще мухоморы, только их она собирает сама и по ночам, а мне не велено.

– Лутоня-а-а! – Протяжный крик с другого берега Смородины заставил меня поторопиться. Подруга Стешенька, дочь мельника, стоя на мелководе, орала во все горло.

– Аюшки! – мелодично откликнулась я. – Иду-у...

Брод в двух шагах. Не замочив даже подола, я довольно

скоро оказалась нос к носу со Стешей.

Подруженька покраснелась от быстрой ходьбы, из толстой девичьей косы рыжими пружинками выбивались прядки волос. Переводя дух, Стеша схватила меня за свободную руку и потащила в сторону деревни.

– Лутоня, поспешай. Сваты приехали. От Еремея.

– Вот радость-то! – Я бросила на землю лукошко и стала тормозить подругу.

Стешенька страдала по Еремею с лета. На Иванов день молодой купец приметил, как дородная дочь мельника водит хороводы с подругами, и вечером увлек красавицу от купальского костра – цвет папоротника искать. Вот и повенчались под ракитовым кустом красна девица с добрым молодцем. Дело известное. У нас в деревне не впервой. Пряный купальский дух и не такое с молодыми людьми творит. А уже потом, когда праздничный угар остается позади и возвращается способность трезво мыслить, тогда засылаются сваты, сговариваются о свадьбе. И дети, которых в эту волшебную ночь зачинали под серебряными звездами, рождаются здоровенькими и бойкими. А бывает, что ничем заканчиваются праздничные забавы. И сладкие воспоминания будоражат кровь долгими зимними вечерами.

Тут я заприметила что-то неладное. Пригляделась. В ярких, будто васильки, глазах девушки застыли росинками невыплаканные слезы.

– Стешенька, голубушка, али не рада ты? – спросила я

подругу, заглядывая в ее насущенное лицо.

– Эх, Лутоня... – Ручейки полились по румяным, как наливные яблочки, щекам. – Сваты от Еремея к тебе пожаловали.

Я застыла соляным столбом. Вот и не верь в паутинные приметы после этого. Сваты? Ко мне? Да бабушка их сейчас в печи запечет. Она на расправу быстра. Или проклянет так, что не обрадуешься. Быстрее! Надо бежать, спасти людей, бабушку корнем валерианы отпаивать. А то и до беды недалеко.

Только ноги отяжелели чего-то. И шагу ступить не могу. Сердце забилося часто-пречасто, того и гляди вырвется из груди и взлетит голубем сизым под самые небеса. Меня – замарашку, чернавку – такой завидный жених приметил! Ай да я! Ай да...

Только дурно такие мысли в голове держать. Знаю же, что любовь всякая и свадебная кутерьма не для ведьминых внушек. Да и подруженьку жалко. Не уберегла девичьей чести, что ж ей теперь – одной вековать? А Еремей-то! Вот гусь! Сорвал ягодку спелую и в кусты! Неправильно это, не людски. Злость прибавила мне решимости.

Наскоро успокоив Стешеньку и клятвенно пообещав, что я за Еремея не пойду, с корзиной в одной руке и подолом в другой я понеслась домой.

Избушка наша стояла на окраине села. Вросшая одной стеной в землю и покрытая зеленым мохом, она иллюстриро-

вала присказку «моя хата с краю» с точностью до наоборот. Моя бабуля знала все. К ней ходила вся деревня за отварами, примочками, приворотами, отворотами, заговорами. А уж разговорить клиента и направить беседу в интересующее ее русло моя бабуля умеет как никто другой. В конце концов, ведьма она или не ведьма?

У нашей калитки топталась небольшая группа сельчан, внимательно прислушиваясь к происходящему в доме. А внутри бушевала буря. Да такая, после которой вековые дубы корнями наружу остаются. Бабуля у меня, если заведется, всем мало не покажется. Ее низкий голос разносился по округе, как звуки набата.

– Ишь чего охальник удумал! У вас товар, у нас купец...
Бум! Бац! Шмяк! Дзинь!

Наша нехитрая домашняя утварь завершала свой жизненный путь на ступеньках крыльца, картинно перелетая через порожек. Вслед за плошками и горшками из дома выскочили старосты. Подпихивая кочергой зазевавшегося молодчика в вышитой рубахе, во двор скоро выскочила бабушка.

– Это что же делается, люди добрые! – завела старушка, стреляя разноцветными глазами по сторонам. – Я ж с ней ночей недосыпала, кусок недоедала! А она, неблагодарная, хвостом перед парнями крутить!

Все эти стенания не отвлекали бабулю от основной задачи. С молодецким задором, приволакивая костяную ногу, она кочергой гоняла по двору уже подуставших старост. Благо-

дарные зрители улюлюкали и, кажется, бились об заклад, поправит Яга Сеньке Косому больной глаз или последнего здорового лишит.

Увидев меня, сельчане молча расступились. Я опустила пониже голову, глядя под ноги, будто в серой дорожной пыли скрывались ответы на все вопросы мироздания, и засемила к дому.

– И чего там купец только высмотрел? Худа, черна, как смерть. Приворожила она Еремея, точно говорю.

Это соседushки перешептываются. Да, вот так в голос и перешептываются. Чтоб все слышали. А иначе чего вообще язык трудить, если не слышит никто?

– То ли дело твоя Лизавета. Ну чисто яблочко наливное. И хохотушка, и пригожа, и румяна, и есть за что ущипнуть.

А как же, старостину Лизавету – щипать не перещипать. Ее пока обхватишь, пока место подходящее на боку отыщешь, вообще щипаться передумаешь от усталости. И смеется она так, что горшки трескаются.

Чего я вредничаю? Не иначе, завидую дородной красоте заклЯтой подруги. Почитай, с весны мы с Лизкой собачимся при каждой возможности. Как все началось? Этого не скажу – не упомяну вот так сразу. Вроде с того, что я ей на нос три огромных чиряка наговорила. Как раз по числу ликов, которым она по полста раз в день поклоны бьет (староста наш Платон Силыч все семейство в храм приучил ходить – Трехликому поклоняться). И волшбу я утварила не просто так, а

за то, что Лизка обозвала меня в глаза байстрючкой и больно дернула за косу, когда я за водой к артельному колодцу шла. Она меня словами срамными поносила за то, что я ей на подол остатками воды из ведра плеснула. Я же тоже не просто так накуролесила, а по причине. Вот ее, эту первопричину, я и не помню. Да только конца-краю нашим баталиям теперь не видать. Бабушка говорит – «девчачьи глупости», я говорю – «вражда до последнего вздоха».

– Надо бы чернавку огню очистительному подвергнуть! А чего, предки наши завсегда так с ведьмами поступали...

– Правильно! Костер разберет, где ведьма белая, а где черная...

Ну, положим, жариться мне неохота. Не верю я в мудрость очистительного огня. И в том, что стихия может определить «цвет» ведьмы, тоже сомневаюсь. Если б все так просто было: белое да черное, как на доске для игры в заморскую игру под названием «шахи», житье бы настало, как в сказке – тишь да благодать. И думать совсем не надо – делаешь все по распорядку, горя не зная.

– Каленым железом! Жечь скверну дотла! Только так!

Я резко подняла голову. Какие люди! Разбитная молодуха Матрена своими благонравными мыслями с соседями делится. Мыслей у нее много, и все правильные да повсеместные. Весь мир на себе баба держать готова. А если что, к кому железо калить побегут? Правильно! К Матрениному мужу – кузнецу нашему Лаврентию. Все в хозяйстве прибыток.

Встретившись со мной взглядом, Матрена завизжала как резаная и зачастила:

– Ой, бабоньки, сглазила, как есть сглазила. Ой! – она схватилась за живот. – Скину! Живой плод скину! У-у-у, ведьма...

Я, конечно, могла поставить вздорную Матренку на место. Знаю я пару тайн дорогой соседки, да таких, за какие побитие камнями грозит, не меньше. Но до того ли мне сейчас? К тому же обижать непорочную бабу – последнее дело.

Кто-то из мужиков цыкнул на молодку с укоризной:

– Пожалеть девку надо. Прибьет ее Яга, не помилует кровинушку.

То ли совесть в народе проснулась, то ли ожидание расправы остудило толпу, только бабы примолкли. В этой тишине я и вошла в дом.

Бабушка юркнула за мной. Дверь захлопнулась самостоятельно, засов аккуратно въехал в пазы, отсекая уличную маету.

– Ну и что это за балаган? – спросила я, устраиваясь на лавке, сдвинув в сторону чучело гигантского муравьеда.

Бабушка обиженно поджала губы:

– Ужо и повеселиться на старости не дают.

Потом морщинки в уголках рта разгладила радостная улыбка.

– Видала, как я их?

– Да, бабуля, накуролесила вдосталь. Парни теперь седми-

цу заикаться будут.

– Угу. – Привычным пассом от двери Яга распахнула окошко. – Теперь, Лутона, покричи погромче для достоверности.

Пока я стенала, топала ногами и звенела остатками посуды, из печи появился горшок с аппетитной рассыпчатой кашей. Сама собой расстелилась скатерть на дочиста выскобленном деревянном столе, и явилось угощение. Из воздуха возникли новые, расписанные невиданными цветами тарелки, на которых тут же рядками устраивались ломтики козьего сыра и душистые букетики зелени. Вот завсегда бабуля знает, чем меня порадовать!

Захлопнув окно по-простому, без колдовства, я устремилась к столу. С утра маковой росинки во рту не было.

Я с довольным урчанием поглощала яства, а бабуля тем временем, не мешкая, приступила к допросу:

– А скажи мне, красавица, чего это вдруг купец тебя заметил?

Кусок стал мне поперек горла. Слезы навернулись на глаза. Уставившись на свои обветренные руки, лежащие поверх скатерти, я собиралась с духом.

– Пару седмиц тому на Идоловой поляне, тогда еще показалось, будто смотрит кто... Да не могла я подумать даже... Он же со Стешенькой люби-и-ится... – Тут я с чувством разрыдалась.

– Ну, будет, будет сырость-то разводить.

Скрюченные бабушкины пальцы ласково касаются моей головы. И вся боль и горечь отступают, развеиваются под плавными, уверенными движениями. Низкий голос колдуньи успокаивает. Яга бормочет задумчиво:

– Как-то ты быстро в пору вошла, я и не заметила...

Я неуверенно шмыгнула носом. Бабушка жестом ярмарочного фокусника вытащила из рукава чистую тряпицу – мне утереться – и продолжала уже другим тоном:

– Значит, так, голубушка, ты накуролесила – тебе и исправлять. Еремея-то в лес увлеку. А что дальше делать – сама знаешь.

В моих руках, будто ниоткуда, появился костяной гребень с частыми неровными зубцами. Подушечки пальцев морозно закололо, и я поспешила спрятать вещь за пазуху.

Пока бабушка споро перебирала грибы, я продолжила трапезу. План действий сложился сразу. Только вот его исполнение могло потребовать посторонней помощи. К кому обратиться, я уже немного представляла. Леший должен мне помочь. Есть у него ко мне должок, вот пусть и отработает. Заморочит купца, увлечет на Идолову поляну, напустит чар сонных. Они, лешие, это дело знают. Тут уж и я появлюсь с гребнем наизготовку. Расчешу медно-русые кудри Еремея, он обо мне и думать забудет. Полезно иметь в хозяйстве разные вещи волшебные на такой вот аховый случай. Тут главное – не переусердствовать, чтоб купец не забыл больше, чем надо. Значит, когда он меня без одежды видел? Две седми-

цы? Для надежности будем считать – три. Тогда заговор можно попроще выбрать. Заклинание-то я верное найду, нужно только время обряда отсчитать.

Ленивое течение мыслей прервал громкий стук в дверь. Кто это еще пожаловал? Бабка надела на лицо выражение свирепости и щелкнула пальцами, отодвигая засов. На пороге стоял бледный, но решительный Еремей. Его голубые глаза метали молнии, но впечатление портили дрожащие губы. Куда девать руки, купец явно не знал, поэтому правой картинно оперся о дверной косяк. Я мышкой шмыгнула за печь. Когда говорят старшие, не встречай! Привалившись спиной к теплому печному боку, я приготовилась слушать.

Еремей молчал, видимо, собираясь с духом. Бабуля его не торопила. Передышка грозила затянуться. Запечная пыль предательски щекотала у меня в носу, и, пытаясь сдержать рвущийся наружу чих, я зажала рот руками. Не помогло.

– Будь здорова, красавица, – отмер молодец.

– Благодарствуйте, – пискнула я, оставаясь в своем укрытии.

– Надо чего? – вежливо вступила бабуля.

– Ты, это, девку-то не гноби...

Судя по звуку, Еремей разговаривал, не покидая стратегического дверного косяка.

– Дверь закрой, дует. Чай не девочка уже под сквозняком сидеть.

Скрипнула лавка – бабуля устраивалась за столом. Хлоп-

нула дверь, заговорили половицы под тяжелыми шагами... Опять лавка. Значит, оба сели, сейчас разговор и начнется. Я наострила ушки.

– Ты, ведьма, не дури. Внучка у тебя справная. А с лица воду-то не пить...

Зря он так на бабулю. Нарвется – потом костей не соберет. Ну вот, бабкин голос задрожал от ярости:

– Не в коня корм, добрый молодец.

– И чем же я тебе не подхожу? Сам справный, мошна полна. По разным заморским странам-государствам поездил, повидал всякого. Да и внуку твою не обижу. Будет при мне, мир посмотрит...

– Лутоня! Подь на двор, овса скотине задай.

Я выглянула из-за печи:

– Так нетути у нас живности...

Бабушка так свирепо цыкнула зубом, что я решила помучничать где-нибудь в другом месте и опрометью выбежала из горницы, придерживая подол сарафана руками и отбивая дробь босыми пятками.

На дворе было скучно. Послonyaвшись под запертым окошком и убедившись, что снаружи ничего не слышно, я подошла к кадке с дождевой водой. Зеркал у нас с бабулей в заводе не было, так что с детства я привыкла любоваться на свое отражение, подернутое водной рябью. Любоваться – это не то слово. Сколько себя помню, раз, а то и два в седмицу бабушка протирала мою мордочку отваром ореховой

шелухи, усиленным какими-то заговорами. Поэтому мое рябое, в коричневых безобразных потеках лицо ничего, кроме жалости и отвращения, в людях не вызывало. Когда я только в тело вошла — лет эдак в тринадцать, я все пыталась уговорить родственницу сжалиться надо мной, но бабуля была непреклонна.

— Девонька моя, светик мой ясный, нельзя нам перед людьми-то открываться. Увидят местные красоту твою ненаглядную, судачить начнут. А слухи знаешь как быстро расходятся?

— А-а-а! — рыдала я, размазывая по мордахе соленые слезы. — А чего меня все замарашкой кличут! И парни смеются!

— Да пусть смеются, здоровее будут. Не пара ты им, олухам деревенским.

Именно в такие моменты на свет появлялась старинная подвеска в виде бабочки, обхватившей крыльями гладкий янтаринный шарик. В воздухе разливался тяжелый мускусный дух. Я сжимала амулет в ладошках, чувствовала, как его спокойное тепло изливается в меня через истончившуюся кожу рук, и уговаривала себя потерпеть чуточку. Ждать-то всего ничего. Я так привыкла думать, что, как только мне стукнет восемнадцать, жизнь чудесным образом переменится, что на окружающую действительность обращала очень мало внимания. Косые взгляды, обидные слова доходили до меня, будто через толщу воды, теряя по дороге большую часть своей силы. Из сельчан более-менее сдружилась я толь-

ко со Стешенькой. Ее тоже в деревне не жаловали. Знамо дело, мельник-то заодно с демонами. Кто ж еще поможет жернова прокручивать? А кто стучит по ночам в опустевшей мельнице, когда весь честной люд видит десятый сон? Демоны, не иначе! Да только дядька Степан, отец Стеши, был, как говорится, ни сном ни духом. Никаких темных обрядов не проводил, жертвенных животных над водой не закалывал. Он просто хорошо делал свою работу. Отчуждение окружающих относил на счет своего нелюдимого нрава. Жена мельника умерла в родах, поэтому всю свою любовь он направил на дочь, только что пылинки с нее не сдувал. Стеша вертела папанькой как хотела, регулярно получая дорогие обновки и мелкую денежку на немудреные девичьи развлечения. Жадной или высокомерной она не была. Именно подруга оплачивала наши с ней походы на ярмарки, просмотры скоморошских представлений и (о ужас!) шкалик-другой пряной медовухи под настроение. У меня-то денег отродясь не было. А если бы бабуля узнала о наших похождениях, то не бывать бы, наверное, еще и половине волос и возможности сидеть, как все нормальные люди. Воспитывалась я в строгости и что такое вымоченные в рассоле розги знала не понаслышке.

Солнце было уже в зените, когда дверь нашей избушки отворилась и на крыльцо, пошатываясь и щурясь от яркого света, медленно выполз Еремей. Мазнув по мне равнодушным взглядом, пошел со двора, неуверенно переступая большими ногами, обутыми в дорогие кожаные сапоги. Вот и вся

любовь. Бабушка свое дело знает. И гребень волшебный не понадобился. Мне почему-то сделалось грустно.

Бабуля сидела за столом, подперев голову рукой, распространя стойкие сивушные ароматы и напевая под нос срамные частушки. Понятно теперь, на что купца заморочила. Ни один мужик перед зеленым вином не устоит, а уж перед усиленным бабулиными наговорами и подавно. Вздохнув, я помогла родственнице устроиться на лавке, укрыла ее лоскутным одеялом и наострилась бежать к подруге.

– Стоять! – Грозный окрик застал меня в дверях. – Ты чего это удумала?! Если бабушка приболела, так и баклуши бить можно?

Поняв, что от учебы отлынивать не удастся, я, послушно сдвинув в сторону плетеные половички, открыла тяжелую кованую дверь подпола.

– Лентяйка, лоботряска, загуменщица, – продолжала ругаться бабка, даже когда я уже нырнула в привычную душную полутьму тайной комнаты.

Поздним вечером, когда на небе уже зажглись звезды и весь честной люд давно видел пятый сон (а иначе никак, вставать-то с петухами), к нам в двери поскреблась соседка Матрена. Разговор, видимо, предстоял непростой. Бабулино желание выгнать меня во двор, чтоб не услышала чего лишнего, на этот раз не исполнилось. Я залезла на печь, многозначительно пожевывая. Да что ж это такое! Даже поспать вволю кровиночке не дают! Сонное заклятие, пущенное мне

вслед ушлой родственницей, я не без труда отбила встречным зарюком (все-таки в самостоятельных занятиях по старинным книгам тоже есть толк) и, чтоб никого не обидеть, бойко захрапела. Поглядывать сквозь полуприкрытые веки мне это не мешало. С высоты печи все видно. А тем временем в горенке разворачивалось представление, до которого всем ярмарочным скоморошым потугам было далеко.

Матрена рыдала. На чистую седмицу из города возвращается муж, скорый на расправу кузнец Лаврентий. Нарочно так подгадал, чтоб к появлению на свет наследничка успеть. Казалось бы, живи да радуйся, да к повитухе на поклон иди, чтоб загодя договориться. Ан нет. Уверена Матрена, что не до веселья будет кузнецу, когда кровинушку-то узрит да станет сходство с собой, болезным, искать. Я б на его месте тоже не ликовала. Маленькие лешаки рождаются корявенькими, похожими на зверят, а вовсе не на нормальных человеческих младенцев. А то, что Матренин животик – плод стараний местного лешего, ни у меня, ни у бабули сомнений не вызывало. Лесовик у нас обстоятельный, только очень уж одинокий, всем бабам куры строит, ну просто проходу не дает. Как он глупую кузнечиху зацепил? Ведь в наш лес по грибы или там по ягоды в одиночку ходить не принято – гуртом сподручнее. И выбираться легче, когда заплутает тропинка, казалось бы, с детства знакомая, начнет чудить, выводить в буреломы непролазные или болота топкие.

А Матрена все подвывала, проливая горячие слезы:

– Ведь убьет же он меня, горемычную, как есть убьет... Любые деньги плачу, ничего не пожалею.

– А от меня чего надо? – недоумевала бабушка. – Морок какой навесть, чтоб муж за своего младенца посчитал? Так соседи ему глаза быстро откроют. Всю деревню заморочить не получится.

– Бабушка-а-а, а пусть его не будет, младенца, а я уж потом... Да ни с кем, кроме мужа, да ни в жизнь...

Вот ведь змеюка, что удумала! Младенца в утробе извести! Да в чем дитенок-то виноват? От волнения я даже храпеть забыла и чуть было не ринулась у соседушки патлы выдирать. Косой бабушкин взгляд пригвоздил меня к месту.

Ёжкин кот! Неужели заметила? Да нет, кажется. Вон и не смотрит в мою сторону даже. Только ярко блестят в полутьме ниточки Матрениной судьбы, перебираемые сухими старушечьими руками.

– Значит, так, Матрена! – Звучный голос колдуньи, казалось, заполнил все пространство горенки. – Завтра после третьей звезды придешь на развилку за погостом, принесешь чистую тельную рубаху и нож...

Соседка мелко кивала и шевелила губами, стараясь поточнее все запомнить.

– Нож принесешь новый, где возьмешь – не моя забота. От горя твоего я тебя избавлю.

Рябое от беременности Матренино лицо озарилось надеждой.

– Ты взамен службу мне сослужишь, когда время придет.

– Какую такую службу? – До кузнечихи стало доходить, с кем она связалась.

– О том не ведаю. Только помни, в любой час, в месте любом, если подойдет к тебе человек или еще кто (в этом месте соседка побледнела до синевы) и скажет: «По моему хотенью, по Яги велению...» – ты его наказ исполнишь.

– А иначе?

– А иначе, девонька... – Колдунья многозначительно провела рукой по горлу. Матрена сомлела и грузно сползла с лавки.

Время тянулось медленно. Ночная гостья, отпоенная специальным укрепляющим снадобьем, давно отправилась во-свояси, а бабушка все не ложилась. Шебуршала чем-то, доставала из сундука плотно спеленатые мотки пряжи, нарядную понёву, ласково перебирала длинные нити янтаринных бус. Масляная лампа чадила на столе. Я глотала злые соленые слезы. Хуже нет, чем против родни идти, только ребенка я ей загубить не дам. Лешего он там или водяного, или еще чей – мне без разницы.

Но вот наконец погас свет, закрипела лавка. Равномерное хрипловатое дыхание возвестило о том, что старушка отошла ко сну. Я нащупала под подушкой волшебный гребень и решительно слезла с печи. Огонь зажигать не стала, понадеялась на свое ночное зрение (есть у нашей семьи такая особенность). На цыпочках подкравшись к спящей бабule, я

осторожно потянула на себя кончик ее косы. В воздухе разлился знакомый запах приближающейся грозы, гребень споро принялся за работу, расчесывая послушные пряди... (Яга, хоть давно уже не девочка, волосы имеет богатые, длинные, с благородным соболиным оттенком – любая молодуха обзавидуется.) Я шепотом бормотала заклинание забвения, пока колдовская безделушка стирала из памяти пожилой ведьмы разговор с Матреной. Потом заплела бабушкины волосы, спрятала гребень в хитрый запечный тайник и отправилась на боковую, немного сожалея, что сделанного не воротишь.

Снились мне тугие от ветра паруса, соленые брызги, крики морских птиц и кто-то темный, непознанный, ускользающий от прямого взгляда, подобно тающему на солнце туману. И только жаркий шепот: «Где же вы, моя алмазная донна?» – и дыхание на моей щеке, и незнакомое доселе томление...

Проснулась я в испарине, с заветренными губами и щеками, пылающими, будто с мороза. Бабушка все еще смачно похрапывала, завернувшись с головой в лоскутное одеяло. Умаялась, бедняжка, от моей ночной волшбы, ну так пусть отдохнет, сил наберется. А мне думу думать надо да дело делать. Матрена ведь не успокоится, пока по ее все не будет. Да и слово ведьмовское никто отменить не в силах. Обещала бабуля дуру деревенскую от докуки избавить, надо выполнять. А иначе...

Охохонюшки, про это «иначе» даже думать не хочется –

страшно! Быстро одевшись и прихватив в дорогу краюху душистого хлеба, я отправилась в лес.

На дворе было довольно свежо. Эх, пора доставать из сундука исправные юфтяные сапожки – холодать стало, а то ведь и застудиться недолго. Выбивая зубами бодрую дробь, я прибавила шаг, чтоб согреться. Деревня быстро осталась позади. Я, сделав небольшой крюк, чтоб лишний раз ноги не мочить, перебралась через реку по мосткам.

Лес принял меня, будто матушка раскрыла объятия непутевому чаду, как только я сошла с утоптанной тропки. Палая листва приятно покалывала босые ноги. Вкусно пахло смолой, в кронах деревьев о чем-то переговаривались птицы и хлопотливо носились рыжехвостые белки.

На Идоловой поляне ничего не изменилось с тех пор, как я была здесь последний раз. (Ну разве что не подглядывали из-за кустов похотливые глаза Еремея.) Никто не разворошил холодные угли кострища, и даже мой корявый берестяной туесок, забытый впопыхах, стоял у гладкого валуна как ни в чем не бывало.

Пора начинать балаган – сцена готова, а за зрителями дело не станет.

– Ау-у, мои подруженьки! – неуверенно начала я.

– Женьки... еньки... еньки... – отозвалось эхо.

– На кого же вы меня, горемычную, покинули?!

– Кинули-кинули... – глумливо донеслось в ответ.

Ну все, должно хватить. Хорошенького, как говорится,

понемножку. Я уселась на плоский камень, подтянув под себя ноги, и стала ждать. Косые утренние лучи путались в разлапистых ветвях сосен, окружающих поляну плотным кольцом, и золотили макушку древней богини – каменного изваяния, в честь которого поляна и получила свое название. Деревенские этого места опасались. Болтали, что-де в незапамятные времена приносили здесь жертвы, да не простые – человеческие, и струилась кровь невинная, питала землю поганым колдовством черным. Даже вещуны Трехликого, в свое время разрушившие все алтари древнего народа, обходили это место стороной. Говорили, что муторно, неспокойно на душе становится всякому, кто по ошибке или по незнанию забредал на Идолову поляну. И хотя сама я ничего подобного не чувствовала, к народным суевериям относилась уважительно. Мне хотелось верить, что толстомысяя баба, воздевающая к небу руки, обладает-таки недюжинной силой, если, даже забытая, потерявшая имя, заброшенная всеми, могла охранить свое капище от чужих посягательств.

Что-то увесистое плюхнулось мне на голову и запуталось в волосах. Страхнув на землю мохнатого паука размером с мою ладонь, я истошно заорала и ринулась куда глаза глядят. А глаза глядели уже не очень... Укус мизгиря – это вам не еж чхнул. Скорее домой, у бабушки должно быть противоядие. Не прекращая орать (надеюсь, поганая тварь сдохла от моего крика), я ломилась сквозь бурелом.

– Не кручинься, красавица, я тебя из лесу выведу, – до-

неся до моего уже помутненного сознания приятный ласковый голос.

Сильные руки подхватили меня, и уже через мгновение я опять была на поляне, полулежа на камне и рассматривая моего спасителя. А посмотреть было на что. Высоченный красавец, широкоплечий и мускулистый, мог заставить замереть не одно девичье сердце. Его фиалковые глаза излучали лукавство, а молочно-белые волосы напомнили мне свет далеких звезд. Мужчина – мечта. Расшитая серебром непривычного покроя одежда выдавала в моем спасителе иностранца, а остроконечные ушки...

Додумать я не успела. Красавец склонился ко мне с отчетливым намерением запечатлеть, так сказать, поцелуй. Ага, такой выведет! Не знаю, как из лесу, а уж из терпения меня – точно. Вишь, выискался! Полупроводник, ёжик кот! Скользнув верткой змейкой с валуна, я отвесила нахалу затрещину:

– Да ты, дедушка, совсем ополоумел!

Безупречные брови поползли вверх, выражая недоумение. Мамочки, забыла! Три раза надо «слово» молвить, чтоб подействовало. Наскоро пробормотав: «Дедушка, дедушка...» – я любовалась на то, как сползает с красавца наведенный морок – съеживаются плечи, уменьшается рост и хлопьями грязной пены истает заморское облачение. Через несколько мгновений передо мной стоял хозяин леса в своем обычном виде – русоволосого коренастого бородача,

не по погоде одетого в тонкий полотняный руб.

– Это что же такое получается? – уперев руки в боки в лучших традициях деревенских склочниц, спросила я. – Сиди-на у нас в бороду ударила?

Леший смущенно переминался с ноги на ногу и отчаянно краснел:

– Ну чего ты, Лутонь... Ну пошутил я, настроение с утра такое... шутейное...

– Ах, с утра?! – Я завелась не на шутку. – Вот так вот проснулся с рассветом и решил: буду лезть на все, что движется, красавцами заморскими прикидываться, девушек невинных пауками страшить?!

Тут я вспомнила о том, что жить мне осталось недолго, и разревелась. Лесовик озадаченно почесал в затылке, приоткрыв небольшие аккуратные рожки:

– Какими пауками?

– Ядови-и-итыми! – Слезы хлынули совсем уж неудержимым потоком.

Леший окончательно спал с лица и ринулся ко мне:

– Тебя укусили? Где? А ну-ка, покажь!

Я подставила для осмотра свою непутевую голову. Ой, больно! Коряга криворукая! Кто ж так за косы дергает? Через некоторое время истязание закончилось. Леший тихонько хихикнул:

– Ты, Лутоня, помирать-то погоду... Не успел он тебя куснуть. А успел бы – отравился.

У меня даже голова закружилась от облегчения, и я опять присела на камень, чтоб не упасть.

– Это ты намекаешь, что у меня кровь ядовитая? – спросила я уже почти миролюбиво.

– Ну да, язвочка ты еще та. Не могла по-простому позвать, как полагается? Обязательно лицедейства старику устраивать?

– А старик ко мне по-хорошему? Когда я на той седмице волховала, ты где был? Почему не охранил от чужих глаз? Зачем договор порушил? Вот сдам тебя вещунам, они-то тебя выучат слово держать – небо с овчинку покажется.

Леший закручинился:

– Дык мужик-то ко мне пришел со всей душой. Все честь по чести: в кругу из молодых березок стал, три раза «слово» молвил, шкалик медовухи поднес. А потом и говорит: «Помоги, дедушка, любя мне краса Лутонюшка...»

– И все ты, дедушка, врешь. Не могла я Еремею полюбить-ся. Он и не смотрел на меня никогда.

– Эх, девка, цены ты своей не знаешь. Да разве настоящий мужик на лицо смотрит? На ножку, на походку, на разворот плеч, на... – тут зеленые лешачьи зенки недвусмысленно уставились мне в район солнечного сплетения, – богатый внутренний мир.

Я скрестила руки на груди и решительно перевела разговор:

– А ты, дедушка, Матрене-кузнечихе куда смотрел, когда

ребеночка делал?

– Эх, Лутоня, мало тебя бабка в детстве порола, – воровато забегали лешаковские глазки, – чтоб ты во взрослые дела не лезла.

Да уж, умословия¹ ни на грош. Как на мой «внутренний мир» тайком пялиться, так я уже взрослая, а как чужие проблемы решать, так не замай. Я разозлилась не на шутку, вскопчила с камня и, припомнив весь список бабушкиных ругательств, объяснила поганому нелюдю, куда ему идти, с кем и чем заниматься по прибытии. Леший слушал внимательно, не перебивая, видимо, запоминал незнакомые обороты, только один раз уточнил значение слова «педагогический».

Когда я наконец выдохлась, он, уважительно хмыкнув, пригласил меня к столу. И как только успел слугам знак подать? Пока я упражнялась в красноречии, его подданные сервировали на валуне богатое угощение. На ягодах ежевики алмазной россыпью переливалась роса, одуряюще пахли каравай свежего хлеба и кольцо копченой колбаски (приносят старичку жертвы деревенские жители, грех приbedняться), в долбленых калабашках² пенилась брожулька. А разные зверушки лесные все продолжали подносить яства: орешки, семечки, истекающие сладостью пчелиные соты. Ну правильно – о серьезных вещах у нас, взрослых, принято за столом беседовать – степенно и неспешно. Я молчала, рассеянно на-

¹ Умословие – логика.

² Калабашка – грубо сделанная деревянная чаша, миска.

блюдая за суетящимися белками, не забывая отдавать должное разносолам. Проследив за моим взглядом, леший сказал:

– А пауки мне не подчиняются – ее это парафия³. – И кивнул в сторону каменного изваяния.

Мне показалось, что богиня мне подмигнула, так причудливо падал солнечный свет на ее иссеченное временем лицо.

– Ты знаешь, как ее зовут?

– Ягу поспрошай, она лучше знает, – ушел от ответа хитрый лесовик.

Бабушка! Как она там без меня? Проснулась, поди. Возвращаться надо, некогда рассиживаться. И я поспешно вывалила на лешего все свои новости.

– И теперь что делать, не ведаю... – закончила почти жалобно. – Твоя... Матрена увидит, что бабули на месте нет, осерчает и чего-нибудь с собой утворит. А мне ребеночка жалко.

Леший помолчал, похрустел суставами, почесал в затылке:

– Да, положеньице... Матрена-то, как понесла, больше ко мне не заходит. Я по-всякому уже пытался ее на разговор вызвать, только не хочет она. А ведь любил я ее по-честному, ни к чему не принуждал, никем не прикидывался... – Лесовик говорил будто через силу. Было заметно, что каждое сло-

³ *Парафия* – у лютеран и католиков: церковный округ, охватывающий определенную местность, и храм, в котором совершаются священнодействия для прихожан; приход.

во дается ему с трудом. – К вам в Мохнатовку мне ходу нет – только за границу своих владений сунусь, разом вещуны Трехликого повяжут. Изводят они нашего брата подчистую. Тут неплохо бы с Ягой это дело обсудить. Бабка твоя женщина ушлая, но справедливая. Не верю я, что она могла по-злому дело повернуть. Но раз ты, Ягишна, ее колдонула... Даже и не знаю теперича...

Мы еще немного помолчали.

– Давай так, – решил леший, – ты Матрену, ягодку мою, у развилки встретишь и ко мне приведешь, я ее уговорю мне дитяtko отдать.

– Тебе? – У меня просто глаза на лоб полезли. – Делать ты с ним что будешь? Шишками кормить, зверенка из него воспитывать?

– Любить я его буду. – Леший явно обиделся. – Любить и от беды беречь. А что, думаешь, не воспитаю?

Мне очень захотелось почесать в затылке. А ведь лесовик в чем-то прав. Маленькому полукровке не место среди людей, заморят они его – если не со зла, то по незнанию. Уж мне ли не знать, как жестоки бывают люди к непохожим на них созданиям?

– Ну хорошо, – не желала я окончательно сдаваться. – Матрена тебе ребенка отдаст, а что она в деревне скажет, как объяснит, куда новорожденный подевался?

– Я про то подумал, – лукаво ответил лесовик. – Мы тоже не лыком шиты, устроим для людей представление. Пусть

все думают, что звери дикие ребенка в ключья порвали. А Матрена подыграет.

На это возразить мне было нечего. Пообещав, как стемнеет, привести к хозяину его разлюбезную, я стремглав помчалась домой.

– Лутоня! – догнал меня голос лешего.

– Чего? – обернулась я уже от границы перелесья.

– Ни о чем дедушку спросить не хочешь?

Вот ведь пройдоха, умеет будущность прорицать и всюю этим пользуется. На мгновение задумавшись, я поняла, что хочу, и даже очень.

– Ты в кого сегодня рядился, когда ко мне вышел? Где это у нас такие иноземцы остроухие обитают?

– А не знаю, так, привиделся кто-то... Может, ты его когда встретишь, может, я... А что, понравился? Да не красней ты как маков цвет, дело-то молодое.

За спиной оглушительно хрустнула ветка, я заполошно дернулась на звук. Когда мой взгляд вернулся к месту, где только что стоял лешак, там уже никого не было. Хозяин! Последнее слово всегда за ним остаться должно. А щеки-то действительно горят... Надо будет по дороге речной водицей в лицо поплескаться, остудиться маленько.

И я понеслась дальше – дел на сегодня наметилось просто невпроворот.

Глава 2. О новых знакомствах, волшебных предметах и делах давно минувших дней

*Ай, бай, бай, бай,
Не ходи, старик Бабай,
Коням сена не давай...*

Колыбельная

Дверь избушки заело, и я наподдала плечом. Заперто! Странно...

– Вы кто, тетенька? Мамка к соседке пошла, а чужих пускать мне не велено!

Бабушка, входящая во двор с коромыслом на плечах, была сама на себя не похожа. Простоволосая, в моем праздничном сарафане и сафьяновых сапожках, она выглядела одновременно странно и трогательно.

– Бабуль, мне бы прилечь, ик... – Брожулька явственно просилась наружу.

– Вы, тетенька, ложитесь где-нибудь у себя. Нечего по чужим дворам тыняться⁴.

Яга решительно оттерла меня от двери и юркнула в дом.

⁴ Тыняться – слоняться, ходить неприкаянно.

Я с открытым ртом осталась стоять на улице. Сквозь приоткрытое окошко слышалось задорное пение:

Столько теплых нам деньков —
Сколько во лесу пеньков.
Столько ясных ночек —
Сколько в поле кочек.

От малышовской веснянки, исполняемой бабулиным надтреснутым голосом, у меня мурашки по спине побежали. Ведьма впала в детство, и в этом моя вина. Волшебный гребень слишком многое заставил забыть. Ёжик кот, что же делать? Я затарабанила в дверь.

– Чего надо?

Да уж, и в детстве моя родственница, видимо, приветливостью не отличалась. В горнице, судя по звукам, кипела работа – потрескивали половицы, брэнчала посуда. Из окна валил сиреневый дым, распространяя запах свежескошенной травы. Активированные все разом хозяйственные заклинания накладывались одно на другое. Ну, как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы в подпол не лезло. Если девочка Яга доберется до тайной комнаты... Я похолодела и попыталась подольститься.

– Девочка,пусти меня, я тебе пряничков дам, – фальшиво начала я, ни капельки не веря в удачу.

Дверь молниеносно распахнулась, стукнув меня по лбу.

– Пряники вперед!

– Нет уж, сначалапусти, а за мной дело не станет.

– И откель ты их выймешь, надувальщица? – лукаво блестя разноцветные глаза ведьмы. – Ни карманов, ни котомки! Уходи, приبلуда. Поди! А то собак спущу.

– Бабушка, опомнись! Какие собаки? Впусти меня, нам надо поговорить!

– Ах так! Ужо я тебе, надоеде, покажу!

В который раз хлопнула дверь, через подоконник что-то перелетело, и из зарослей бастыльника⁵, поводя длинным носом, выбралось чучело муравьеда. Стеклянные его глаза полыхали, выискивая цель, а из неровно сшитого брюха сыпалась солома.

– Да что он мне сделает? – хорохорилась я, выбирая из поленницы обрубков поувесистее. – У него и зубов-то нет, разве что засосет до смерти.

– Ага! А когти ты видала? Еще посмотрим, кто кого! Ату ее, Мурзик! Взять!

Мурзик утробно возрычал и прыгнул, я взвизгнула и побежала. И это исчадие я собиралась победить? Он же меня сейчас на лоскутки порвет! Живые муравьеды – существа ленивые, к долгим пробежкам не приспособленные, а вот мертвые, судя по всему, неутомимы и коварны. Как безголовая курица, я носилась по двору, высоко задирая колени и придерживая под мышкой полено (выбросить его мне даже в голову не пришло). Бабушка азартно улюлюкала с крыльца.

⁵ Бастыльник – крупная сорная трава, бурьян.

– Останови его, я сама уйду, – прохрипела я задыхаясь, в очередной раз поравнявшись с родственницей.

Яга что-то сказала, но я уже летела дальше. Ответ догнал меня на следующем круге:

– Дураков нет! Ты уж, тетенька, сама как-нибудь...

– Пороть тебя некому, бабушка...

Я обреченно остановилась, перехватывая деревяшку двумя руками. Сзади никого не было. Бабка покатывалась со смеху, утирая выступившие на глазах слезы:

– Он почти сразу в кусты сиганул. А как же ты потешно тут бегала!

Я стиснула зубы до скрипа и пожалела, что не могу применить розги к пожилой, хотя и выжившей из ума женщине.

– Лутоня, выдь ко мне, разговор есть... – донеслось с улицы.

У забора нерешительно переминалась с ноги на ногу подруга Стешенька. К нам она заходить опасалась. Напоследок одарив Ягу укоризненным взглядом, я отшвырнула полено и подошла к подруженьке.

– Поблагодарить тебя хочу, – начала Стеша после обязательных приветствий. – За Еремея пойду, родители уже сговорились...

– А я тут при чем? – растерянно спросила я.

В глаза мне подруга упорно не смотрела, да и радости в голосе особой не чувствовалось.

– Да ладно, я же все понимаю... Как приворожила, так и

отворот сделала...

Ёжкин кот! Да кто ей только такую глупость в уста вложил? А спорить бесполезно. Не поверит. Ведьмы мы с бабушкой, разве ж люди таким доверяют? Боятся, уважают, но чтоб верить... Недостойны мы такого отношения.

– Я тут просить тебя хочу... – продолжала между тем гнуть свое Стеша. – Я теперь мужняя жена буду, в невестки иду...

– Поздравляю, – встряла я, с ужасом замечая, что со стороны забора кусты аккуратно раздвигаются и длинный тонкий нос муравьеда явственно принюхивается к моей собеседнице.

Только нападения нежити мне сейчас недоставало! Точно слухи пойдут, что соперницу извести зверями пыталась. Схватив подругу под руку, я потащила ее вдоль улицы, приговаривая:

– Пошли, по дороге договорим.

Стеша немного упиралась, но послушно семенила рядом, продолжая вещать:

– Буду в шестистенке с мужем жить, как сыр в масле кататься, и сундуки у меня с разными диковинками, что Еремей из странствий привез, вдоль стен стоять будут.

– Поздравляю. – Ничего больше мне на ум не приходило, я ежеминутно оглядывалась, нет ли погони.

– И не серчай на меня, Лутоня, но теперь с ведьмой дружбу водить мне совсем не с руки...

– Поздравляю! – Я оглянулась. Проще уж было сразу за-
дом наперед идти... – Что?

Очень захотелось плакать, даже солоно во рту сделалось. Все мысли – про впавшую в детство бабулю, про опасность, идущую по следу, про обещание лешаку – вдруг испарились, оставив после себя звенящую пустоту. Дыхание остановилось. И только стук сердца, заполнивший, казалось, меня всю, говорил о том, что я еще жива. Спокойно, Лутоня! Спокойно... Я несколько раз глубоко вздохнула. Мое молчание, видимо, было истолковано неверно.

– Ты только не лютуй! Я же не ведьмина внучка – мне жизнь строить надо. Я в девках уже заневестилась. Только пообещай, что в отместку мужа у меня уводить не будешь! – испуганно зачастила подруга, уже, видимо, бывшая.

– Обещаю, – сказала я помертвевшими губами, отпуская острый девичий локоток.

Стеша пытливо заглядывала в мое лицо:

– Ведьмину клятву дай!

Ну точно подучил кто-то! Не могла девушка про такие тонкости сама угадать. Только вот ошиблась она – я не ведьма, по крайней мере, не взрослая, нити судеб плести не обучена. Да и нужен мне ее муж, как зайцу пятая нога. Но если ей так легче... Наклонившись к розовому ушку собеседницы, я подпустила в голос трагизма и прошептала несколько десятков слов. Завороженно выслушав рецепт приготовления утки по-хински на языке оригинала, Стеша округлила

глаза:

– И все?

– А что ты хочешь? Гром с молниями? Дождь из лягушек?

Несколько мгновений девушка раздумывала, затем степенно кивнула:

– Ну все, бывай, Лутоня. Зла на меня не держи.

И только краешек пестрой юбки мелькнул в конце улицы, будто попрощалась со мной моя единственная дружба. Удаchi тебе, Стеша, в настоящей взрослой жизни! Надеюсь, все у тебя будет хорошо.

Три колокольных удара на площади возвестили о середине дня. Надо же, а я и не заметила, как за разговором мы дошли до центра Мохнатовки. У дома старосты разгружались подводы, сустились работники, ржали лошади – вернулся обоз из Стольного града. Деревенские бабы встречали своих мужей, отпущенных князем после отработки повинности. Вон и Матрена повисла на шее у мужа, искренне рыдая после долгой разлуки. Высоченный Лаврентий придерживал жену с осторожностью, ласково поглядывая на огромный живот супруги.

Ощутимый тычок под ребра вернул меня к действительности. Больно! Я схватилась за бок:

– Смотри, куда прешь! – Вежливость – это у меня от бабушки, наследственное.

– О, сударыня, три тысячи извинений! – Долговязый нескладный парень одной рукой поправлял сползающие с

носа очки, а другой пытался перехватить гладкий черный футляр, с локоть длиной, который и был причиной членовредительства.

Отвисшая челюсть помешала мне достойно ответить, а верзила тем временем разливался соловьем:

– Позвольте представиться – барон Зигфрид фон Кляйнерманн, студент Квадрилиума и ваш покорный слуга. – Парень сложился чуть не вдвое, потешно оттопырив локоть.

Я прыснула. Швабскому наречию бабушка меня худо-бедно обучала. Фамилия моего нового знакомца дословно означала «маленький человек».

– Какое несказанное счастье, сударыня, что карты, – тут он разогнулся и потряс футляром, – привели меня именно к вам, образчику, так сказать...

Я вообще перестала что-то понимать, кроме того, что в тулупе у добра молодца карты. Хотя... Надо еще уточнить, игральные или географические. Образчиком чего я являлась, так и осталось тайной, – от резного крыльца раздался зычный окрик старосты Платона Силыча: «А ну, студент, ходь сюды!» Мой галантный кавалер слегка вздрогнул. (Любого проберет с непривычки – у дядьки Платона голосина такой, что на медведя ходить можно заместо рогатины.) Я ожидала, что парень моментально ринется к Силычу, но тот продолжал стоять как столб.

– Могу я узнать имя прекрасной незнакомки?

Вот гад, еще и издевается! А может, у него, болезного, зре-

ние совсем слабое? Вон и очки нацепил. Я разозлилась:

– Так чего ж не узнать. Вас же в университетах гадать учат – на гуще там, потрохах всяких... Или карты свои раскинь.

Добив студента гневным взглядом, я развернулась на пятках (надо все-таки сапоги из сундука достать) и гордо двинулась домой. По дороге я занималась самоедством. Ну вот, в кои-то веки выпала возможность с умным человеком пообщаться, со студентом. А я ни словечка молвить не смогла. А как ступор прошел, нахамила. Он, наверное, решил, что я дуручка деревенская – только мычать горазда...

– Фройляйн Ягг, Лутоня, подождите!

Зигфрид бежал вдоль улицы, как кузнечик-переросток, полы сюртука трепались по ветру, светлые волосы выбились из короткой косицы. Я невольно улыбнулась.

– Сударыня, – запыхавшись, продолжил студент, когда мы поравнялись, – прошу простить мне мое невежество. Я должен был дожидаться, чтобы кто-нибудь представил меня... Ваше возмущение уместно, но позвольте мне искупить свою вину.

– Да что вы, сударь, это мне нужно просить прощения. Моя неприветливость по отношению к гостю нашего... города (эк я Мохнатовку повысила!) заслуживает только порицания.

А пусть знает птаха залетная, что и мы не лыком шиты! Куртуазность разводить научены не хуже прочих. Вопреки моим ожиданиям, парень не убежал с криками ужаса, а да-

же расслабился и посветлел лицом. Серые глаза смотрели с одобрением.

– Фройляйн Лутоня позволит проводить ее?

– О да! – смущенно потупилась я.

Чего ж не позволить, коли охота есть. Как говорится, назвался груздем, полезай в кузов. Тем более что дорога близкая. Мы немного поговорили о погоде, о видах на урожай, о способах засола корнеплодов и охоте на вальдшнепов. В последнем я оказалась не сильна, так как вообще не представляла, что это такое. Но мои невнятные угуканья были восприняты благосклонно. Я раздумывала, как перевести беседу на интересующие меня темы – университет, занятия, магические заклинания. Но как назло, в голову ничего не приходило, а мы между тем почти пришли. У нашей калитки я уж было открыла рот, чтоб выдать на-гора заготовленную вежливую прощальную речь, но мне помешали. С трубным воем из кустов вылетел клубок шерсти и острых, как ножи, когтей. А о муравьеде-то я и забыла! Тварь вцепилась в спину Зигфрида и стала методично ее полосовать. Парень взвыл от боли. «Одежду снимай!» – проорала я, выламывая из забора доску. Камзол был скинут в мгновение ока вместе с повисшей на нем бестией. Со всей силой, на которую была способна, я лупила по копошащейся в дорожной пыли куче. Мало! Это ему, что ежик чхнул – через минуту восстановится. А то я бабушкиных поделок не знаю! Ну давай, девочка, вперед! И я кинулась врукопашную. Кое-как прижав оглушен-

ного противника к земле и преодолевая отвращение, я просунула руку в его длинный узкий рот и почти сразу нащупала то, что искала. Резкий рывок на себя, и в моих руках испещренный закорючками кусок пергамента, а на дороге валяется чучело гигантского муравьеда, не подавая никаких признаков жизни. Не удержавшись, я наподдала ногой, и ценное бабушкино имущество оказалось в канаве. Следом отправился камзол.

Зигфрид был плох. Он лежал на правом боку, подтянув колени, и тихонько постанывал. На спину и левый бок было страшно смотреть. «Ну ничего, потерпи. Сейчас тебя подлечим», – я гладила парня по растрепанным волосам и лихорадочно соображала, кого можно позвать на помощь. Одна я эдакую орясину до дома не дотащу.

– Пить! – Бледные губы едва шевелились.

Я побежала в дом. Бабушки нигде не было, дверь нараспашку, в горнице полный разгром. Зачерпнув ковшиком из кадки, метнулась назад, придерживая за голову страдальца, напоила.

– Ну ты даешь – от горшка два вершка, а такая боевая... Я б с тобой в разведку пошел.

– Молчи уж лучше, мальчик-с-пальчик. Подняться можешь?

С моей помощью парень сначала встал на четвереньки, затем, покряхтывая и шатаясь, – на ноги, обнял меня за плечи, почти придавив к земле. (Тяжелый-то какой! А казалось,

только кожа да кости.) Вот так, шаг за шагом, я привела Зигфрида к нам и уложила животом на лавку. Ошметки рубахи пришлось срезать ножом, чтоб лишний раз хворого не тревожить. Раны оказались не смертельными, и вообще – дело обстояло куда лучше, чем казалось на первый взгляд. Порывшись в сундуке, я достала небольшой шкалик и щедро полила из него пострадавшие места. Жидкость пенилась, соприкасаясь с ранами, студент охал. Ничего посущественней я предложить не могла – бабуля славно погуляла, истощив все домашние заклинания, лечебные в том числе. Ну ничего, парень молодой – до свадьбы заживет. Обильно смазав бок и спину, я как могла перевязала пострадавшего, предварительно подержав над огнем чистую тряпицу. Вот и все. Ловкость рук и никакого колдовства – чистая наука.

Студент оживал на глазах:

– Хозяюшка, мне б поесть чего...

Я улыбнулась:

– О времена, о нравы! Куда подевались комплименты и куртуазное обращение?

– Да ладно язвить, Лутоня. Мы с тобой теперь братья по оружию – вместе кровь проливали, – озорно блеснули серые глаза.

Я быстро сообразила обед. Снедь нехитрая, но питательная – рассыпчатая гречаная каша, большой кус масла, свежий хлеб и цельный жбан яблочного сидра. Зигфрид нашел в себе силы подняться и сесть к столу. На еду накинудся так,

будто его седмицу не кормили.

– А что за шедевр таксидермиста пытался меня убить? – задал он вопрос, когда на столе уже ни кусочка съестного не осталось.

– Чучело гигантского муравьеда, – ответила я, честно округлив глаза. – Тебе еще повезло: говорят, взрослый муравьед может одним ударом выпотрошить ягуара или крупную собаку. А у тебя там – тьфу, царапины.

– Никакого везения, – парень провел пальцем по переносице, – у меня кожаная прошивка в камзоле, лучше кольчуги защищает. К тому же настоящее животное должно весить больше набитого соломой чучела... А очки мои ты не видела?

Вот незадача! Я пошла осматривать место боевых действий. Очки отыскились на обочине под кустом сорной травы, и даже неповрежденные. Прихватив заодно камзол и многострадального Мурзика, вернулась в дом. Зигфрид стоял у окна и, щурясь, рассматривал кусочек пергамента, извлеченный из пасти муравьеда. Я выхватила заклинание и спрятала его за пазуху:

– Не суй нос, куда не просят!

Парень осолопевшим взглядом уставился в мою грудную клетку:

– Так это же... Мы же учили...

– Просто забудь, понял?

На лице студента читалась борьба двух чувств – любопыт-

ства и самосохранения. (Что-то слишком долго он думает...) Я уже прикидывала, как бы понатуральнее предложить ему причесаться. Но тут на пороге появилась бабуля, и всем сразу стало не до того.

За время, что мы не виделись, ведьма как будто помолодела и чуточку усохла. С первого взгляда и правда могло показаться, что в дверях, подбоченясь, стоит юркая девчонка.

– Так-так... – злобно сверкнули глазки маленькой фурии. – Теперь вас тут двое? А чего вы, дяденька, голый?

Ёжик кот! А о приличиях я со всей этой катавасией и не подумала! Зигфрид молниеносно натянул драный камзол и даже поднял до ушей расшитый серебром ворот. Яга презрительно хмыкнула и, войдя в горницу, уселась на лавку. Студент покраснел. «Пора заканчивать балаган», – решила я.

– Ну все, млсдарь, как говорится, вот бог, а вот – порог... Дела у нас тут семейные... – Осторожно, чтоб не задеть раны, я подтолкнула студента к двери.

Зигфрид громко подхватил:

– Да-да, фройляйн. Премного благодарен за приют и угощение. Надеюсь на скорую встречу.

А уже на выходе шепотом продолжил:

– И ты мне расскажешь, что за бедлам тут творится.

– Всенепременно! – проорала я, захлопывая дверь, и развернулась к родственнице. – Значит, так, – коршуном налетела я на бабушку, – пока мамка не вернется, будешь меня слушаться.

– С чего это? – ошетибилась ведьма.

– Тетка я твоя, двоюродная, мамка велела за тобой при-
смотреть, – быстро нашлась я с ответом. – Сейчас берешь
веник, тряпку и начинаешь прибираться.

Удивительно, но она меня послушалась. Оглядев разгром
– осколки битой посуды, сорванные занавески и грязный до-
щатый пол, – забурчала под нос:

– Это ж за водой опять идти... нести-надрываться... ма-
леньких все обижают...

Отыскала в сених коромысло и, прихватив два ведра, на-
правилась к колодцу.

Так, это надолго – общественный колодец у нас на другом
конце деревни. Надо воспользоваться освободившимся вре-
менем. Не мешкая, я достала из запечного тайника неболь-
шое серебряное блюдо. Установив волшебную посудку на
столе, я аккуратно плеснула водицы, так чтоб та оказалась
вровень с краями, и прошептала заветные слова: «Блюдеч-
ко непростое, яблочко наливное...» Вода пошла небольшо-
ми бурунчиками, над тарелицей поднялся пар, послышался
звон серебряных колокольчиков. Я, не отрываясь, смотрела
в самый центр впадины. Воду прямо на глазах стало затяги-
вать льдом, и из бесконечной подледной глубины к поверх-
ности поднялась тоненькая зеленокожая девица, помогая се-
бе длинным чешуйчатым хвостом. Что-то гневно крича и
выпуская изо рта пузыри, она кулачками заколотила по про-
зрачной преграде.

– Очень красиво! – Я наугад ткнула пальцем – руку обожгло холодом. – Давай что-нибудь попроще, мне сегодня не до зрелищ.

Лед приобрел зеркальный глянец, появилось мое отражение – растрепанные волосы, ссадина на щеке, безумный блеск карих глаз. Я улыбнулась:

– Ну вот, совсем другое дело.

– Фу, надоело замарашкой представляться, – ответила я зазеркальная. – Умываться не пробовала? На тебя ж без слез не взглянешь!

Я покраснела:

– Чего это мы сегодня без настроения? Милый друг перестал внимание обращать или соперница перцу на хвост насыпала?

Отражение фыркнуло:

– Да я с тобой позабыла, что такое личная жизнь! Только расслабишься, приляжешь, верхнюю пуговку расстегнешь, тут ты со своими вызовами: «Спаси-помоги, дорогая Иравари! Подскажи да покажи, да сопливый нос подотри...» Я вообще не понимаю, почему я с вашей семейкой до сих пор вожусь.

Ой, какие мы гордые! А то непонятно, что демон потусторонний служит тому, кто блюдечком владеет. Накрепко его сущность к вещи волшебной привязана, и не распутать ту ниточку колдовскую, не разорвать.

Демоница выхватила из воздуха серебряный бокал и от-

хлебнула:

– Это что? Вода?!

Изображение пошло рябью. У девушки, теперь уж совсем не похожей на меня, заострились зубы, кожа на лице приобрела красноватый оттенок, а глаза с кошачьим поперечным зрачком зажглись нехорошим желтым светом.

– Заклинания вызова для чего вообще составляют?! Языком потрепать?! Блюдечко – непростое, яблочко – наливное! Где? Мой? Сидр?! – проорала Иравари, как дикая кошка по весне.

Хороший вопрос. А ответ на него только один – в тощем животе студента Квадрилиума плещется. Поди достань! Демоница, конечно, в своем праве. Немногого и просит. Поговаривают, что другие обитатели тонкого мира требуют менее безобидных жидкостей. Представив себя за сцезиванием плоски крови для каждого вызова, я аж передернулась от отвращения.

– Ну тихо, тихо... – примирительно забормотала я. – Ну не смогла... Так ведь исправлюсь. Хочешь, новое имя придумаю?

Иравари еще чуток поломалась для порядка:

– Не знаю, не знаю... Такое неуважение, такое попрание основ... А можешь?

Я на мгновение задумалась, подняв глаза к потолку:

– Мм... Лезу в узел.

Демоница задумчиво проговаривала про себя мое слово-

творение, тонкие губы сосредоточенно шевелились:

– Лезу в узел, лезувузел... Великолепно! Извинения приняты. А еще одно можешь?

Я усмехнулась:

– В следующий раз. Жадничать нехорошо.

Когда-то, в самом начале нашего знакомства, Иравари обмолвилась, что в их мире очень трудно придумываются имена. Мало того что демоны к созиданию по природе своей не приспособлены, так еще и важно, чтоб слово, которым называют новорожденного, читалось одинаково в обоих направлениях, было перевертышем. Именно это дает жителям тонкого мира свободу, полноту жизни, позволяет путешествовать среди отражений. Я тот разговор запомнила намертво. Время от времени забавляясь придумыванием «зеркальных слов», я радовала свою знакомицу новыми именами.

Иравари одним долгим глотком допила воду и отбросила бокал:

– Ну давай, излагай, зачем вызвала. Как обычно: три вопроса – три ответа. Только помни, мне нужны точные формулировки.

Я подобралась:

– Вопрос первый: как отменить действие волшебного гребня, заставляющего забывать?

Демоница поправила пальчиками с огромными когтями выбившуюся прядку и на мгновение задумалась:

– Гребень... память... А! Знаю эту побрякушку. В полно-

луние в месте силы искупаться в росе и остричь волосы.

– Мне? – растерялась я.

– Водные процедуры – тебе, новая прическа – объекту! А чтоб ты так же бестолково не профукала третий вопрос, уточняю – под ноль, то есть налысо.

Ёжкин кот! Опять попалась на ее недомолвки! Ну ничего – еще один вопрос в запасе имеется. Хотя... Чего спрашивать? И так все понятно... До полнолуния – седмица, не меньше. Моя задача – за бабулей это время присматривать, чтоб не шибко куролесила. А там уж управлюсь – в месте силы – это что ежик чхнул. Я хотела попрощаться, но Иравари заупрямилась:

– Порядок быть должен – сказано три вопроса, значит, надо три...

Я задумалась. Демоница попыталась прийти на помощь.

– Ну хочешь я тебе самых красивых в вашем мире царевичей-королевичей покажу? Сейчас как раз лузитанский принц Жуан-Мануэль ванну после тренировки принимает. – Иравари мечтательно закатила глаза. – Мм, это, доложу тебе, зрелище.

– Не интересуюсь, – насупилась я.

Собеседница удивленно изогнула брови:

– На девушек заглядываешься? – И гнусненько так хихикнула.

Причину ее веселья я не поняла, зато придумала вопрос.

– А расскажи-ка мне, зачем в наше захоlustье элорийский

студент пожаловал? Имя – Зигфрид фон Кляйнерманн, если не врет – то барон.

– Минуточку... – Демоница сосредоточенно смотрела куда-то сквозь меня. – Библиотека, список студентов... Тебе официальную версию или всю подноготную найти? А то тут дело мутное какое-то.

Я заинтересовалась:

– Всю, конечно всю.

– Студент четвертого курса факультета огня, направлен в Рутению для прохождения фольклорной практики сроком на один год...

– Не вижу подвоха.

– Лутоня, ты темная, как... вода в проруби. Огневики выпускают лучших в мире боевых магов, и твой дружок там не последняя спица в колесе. Местное народное творчество в его будущей работе нужно как зайцу зонтик... Нет, в доступе отказано! Пароль...

– Пятая нога.

– Не подходит... Какие еще ноги?

– Правильно говорить – «как зайцу пятая нога».

– А... Ну эти подробности ты своему фольклорно озабоченному приятелю рассказывать будешь. – Иравари была явно расстроена. – Не получается у меня. Времени надо побольше.

А времени-то и не было. С улицы доносилась печальная песня, долженствующая поведать слушателям о тяжелой

подневольной жизни исполнителя, о злых людях, заставляющих его, исполнителя, недоедать, недопивать и недосыпать – это возвращалась бабушка. Караул! Наскоро ткнув в блюдо пальцем и прошептав отпускающее слово, я спрятала артефакт на место.

Бабушка была скорбна ликом, но на удивление поклади-ста. Я держалась напряженно, ожидая в любой момент каверзы, но пока все шло неплохо. Мы в четыре руки принялись за уборку. Расставили по местам нехитрую мебель, перемыли уцелевшую посуду, вывели из избы сор. Занавески Яга простила прямо в сенях в корытце. День клонился к вечеру. Скоро на Мохнатовку опустится ночь. А после третьей звезды есть у меня дело тайное, отлагательств не терпящее.

Я растопила печь, пошарив в сенях, нашла небольшой шмат солонины и вилок капусты. Дальше просто – шинкуется это все и в чугушке томится. Для вкуса еще – горсточку соли и пару листиков дерева заморского, лавром обзываемо-го. Скоро по горнице поплыл густой дух тушенины. Мм... Аж слюнки текут!

Степенно с бабулей повечеряли, запивая еду крепким мятным взваром. (Все знают, что мята – трава сонная. А мне очень надо, чтоб родственница под ногами не мешалась.) Перед самым отходом ко сну, уже закутанная в одеяло и кема-рящая на печи, Яга вдруг попросила:

– А Расскажи мне, тетенька, сказку.

Отчего ж не поведать. Мне в свое время бабушка сказок

порассказала – хоть пруд пруди. Теперь, вишь, мой черед пришел.

– Во лесу дремучем, под кустом колючим, – начала я напевно, – жила-была...

– Баба-яга – костяная нога! – донеслось с печки.

– Ну пусть Яга, – не спорила я. – Только тогда нога была у нее не костяная, а самая что ни на есть человеческая. Как-то гуляла она по лесу, грибы-ягоды собирала, травы тайные для волшбы, да только угодила ногою в медвежий капкан...

Варвара взвыла от боли, когда острые железные зубья сомкнулись на ее щиколотке. Опытная знахарка, она сразу поняла, что перебито сухожилие, и будет чудом, если ногу удастся спасти. Кожаное сапожное голенище немного смягчило удар, поэтому женщина надеялась, что кость не раздроблена. Она не металась, не пыталась руками разомкнуть мощные «клешни». Такие самоловы ставят обычно на крупного зверя и «глушилкой» не брезгуют. Цепочка, тянущаяся от приспособления, где-то закреплена к подвешенному бревну. Сдвинешь капкан с места – припечатает так, что мокро-го места не останется. Хотя, может, это и наилучший выход – лучше сразу, чем медленно погибать от жажды и потери крови...

Умирать не хотелось.

– Помогите, люди добрые! – во всю силу легких закричала женщина.

Шанс, что ее услышат здесь, в глухом лесу, был ничтожно мал, но он сработал.

– Молчи, дура! – Парень материализовался, казалось, из воздуха, его ярко-синие глаза метали молнии.

– Помоги... – Варвара невольно приглушила голос.

– Всю охоту мне порушишь, селянка бестолковая, – шипел спаситель, осматривая ее покалеченную ногу. – Тут, конечно, по уму струбцина нужна...

Варваре вдруг подумалось, что он еще, в сущности, совсем пацан – лет четырнадцати-пятнадцати, не больше. А бледный-то какой! Будто сроду на солнышке не бывал.

– Позови кого-нибудь, один не справишься, – прошептала она, с ужасом думая, как останется здесь одна, пока малец пойдет за помощью.

Парень фыркнул, пружинно вскочил, срезал ближайшее деревце, ловко взмахнув выхваченным из-за пояса ножом. Кряхтя и помогая себе левой рукой, просунул палку между дуг капкана и навалился на рычаг. На лбу вздулись жилы, рот искривился в гримасе, напряглись плечи. Прилагаемые усилия делали его лицо старше и значительнее. «Клешни» медленно поддавались, неохотно выпуская свою жертву. Варвара, пытаясь не обращать внимания на боль, тянула ногу на себя. Обильно полилась кровь. Рывок. Бессильный щелчок опустевших железных челюстей, и спаситель повалился рядом на пожухлую траву, хватая ртом воздух.

– Кровь остановить срочно надо.

Женщина только кивнула.

Первую помощь парень оказывал умело. Оттащил страдалицу подальше от капкана, уложил на мягкий мох. Перетянул ногу ее поясным шнуром, аккуратно разрезал ножом поврежденное голенище, снял окровавленную ноговицу и перевязал рану тканевой лентой, оторванной от подола своей рубахи. Только сейчас Варвара заметила, что парнишка одет дорого, если не сказать – нарядно. Мягкие охотничьи сапоги отличались тонкостью выделки, порты подогнаны точно по фигуре, на поясе закреплены серебряные чеканные бляхи, а рубаха по вороту расшита богатой шелковой нитью.

– Ты что один в лесу делаешь? – спросила женщина, сглатывая горькую слюну.

– На медведя охочусь. – Спаситель мотнул головой, отбрасывая с лица длинную темную челку. – Людоед у нас в округе объявился, уже трех мужиков до смерти задрал. Местные, дурачки, на него капканы поставили, да только зверь их за версту чует... А ты чего тут бродишь?

– Почему метки не было? – вдруг вспомнила Варвара. – Положено метку ставить при таких самоловах.

– Говорю ж, дураки. Хочешь жалобу князю подать? – кинул внимательный взгляд исподлобья.

– Перетопчется.

– Я так и думал... Значит, и в Шегешвар со мной не пойдешь?

Женщина помертвела. В цитадель ей возвращаться никак

нельзя, ведь под подкладкой прострочной кацавейки зашито то, за что сразу в работу возьмут. И тогда медвежий капкан покажется не сильнее комариного укуса. Жалко мальчишку, да выхода другого нет... Рука привычно скользнула за отверстие, круглая булабочная головка устроилась между большим и указательным пальцем.

– Посмотри, у меня шея что-то болит...

Парень доверчиво наклонился, и Варвара вонзила иглу. Стало трудно дышать, мир закружился на манер ярмарочной карусели и померк.

Когда женщина пришла в себя, парень сидел на пенечке, удобно закинув ногу за ногу, и внимательно рассматривал злополучную булавку.

– Какой примитив! И многих дураков ты этой штучкой в лучший мир отправила? – проговорил задумчиво, будто про себя.

Варвара решила, что терять больше нечего, и неожиданно разозлилась:

– Да у тебя все, кроме тебя, дураки! А сам? У-у-у, сопляк!

– А я умный, – сказал без тени усмешки. – И медведя я выслежу и освежую, а тебя... Тебя, пожалуй, отпущу.

– После того, что я хотела тебя убить? – растерялась Варвара.

– Ну так не убила. Поверь, для меня одной отравленной иголки мало.

– Кто ты? – Варвара почувствовала, как от ужаса вспотели

ладони.

Парень не спешил с ответом:

– Смерть от иглы... Какая древняя сказка! Можешь называть меня Кощей. Ведь так зовут самый большой страх женщин из племени ягг? Кстати, твоя богиня знает, чем занимается ее жрица? Или она покинула тебя?

– Мальчишка! Ты даже не представляешь, какими словами играешь!

– Через десяток лет я стану самым сильным магом континента. Что мне чужие боги? Твое колдовство уже бессильно против меня.

Варвара сосредоточенно призывала к себе все нити судьбы, до которых могла дотянуться. «Прости, Матушка... Прости...» – шептала искусанными губами. Голова кружилась – сказывалась кровопотеря. Кощей щелкнул пальцами, женщина поняла, что обездвижена.

Парень склонился над своей жертвой:

– Я просто чуть остудил твою кровь, а ты не смогла поставить даже самый примитивный блок. А ведь ягги на многое способны, я знаю...

Отвечать Варвара не могла, только бессильные слезы застилали глаза. Она узнала этого мальчишку. Эх, зря не верила сплетням, все правдой оказалось. А мучитель смотрел на нее с каким-то предвкушением, как алхимик на реторту, в которой происходит занятная реакция.

– Будем считать, что с тобой временное помутнение рас-

судка приключилось. Князю про тебя ничего не скажу и про твои бумаги, в одежде спрятанные, тоже промолчу – шпионские игры элорийского престола меня мало волнуют... Эй, ведьма! Моргни, если слышишь.

Женщина прикрыла глаза.

– Сейчас я сниму заклятие. Даже не пытайся причинить мне вред. В следующий раз я могу не остановиться вовремя, и придется тут твое тело прикапывать. Кстати, подумай о том, сколько людей пострадает, если я отнесу твои донесения романскому князю... У тебя же, наверное, семья? Точно – дети. Именно на такие крючки вас, баб, и подсекают... Кто? Сын? Дочь? Ну конечно, дочь... У вас, яггов, по-другому не бывает... Вот ведь ситуация – даже руки на себя наложить не можешь.

Все время своего монолога Кощей что-то делал с покалеченной ногой Варвары – мял, постукивал, сжимал. Щиколотка горела огнем, боль, не находя выхода, собиралась в груди огромным пульсирующим сгустком.

– Я восстановил кровообращение – ногу отнимать не придется. С сухожилиями дело хуже. Попробуешь потом сама срастить. Ну все. Можно снимать недвижность. – И парень опять щелкнул пальцами.

Варвара закашлялась, из ее рта вырвался сияющий шар – боль покинула тело. Женщина прислушалась к себе – ныли кости, тянуло мышцы. Но ощущения были скорее как после долгой физической работы – приятная усталость. А соп-

ляк-то в волшебстве действительно силен! А она его, тьфу, булавкой колоть... Точно – дура. Пошатываясь, поднялась на ноги, пристыженно прошептала:

– Спасибо.

– Спасибо в карман не положишь и в стакан не нальешь, – криво улыбнулся Кощей.

– Чего хочешь? – приготовилась к торгу ведьма.

– Ты отдашь мне того, кто тебя дома на пороге встретит.

Варвара задумалась. Откуп обычный – маги любого уровня любят время от времени положиться на судьбу. Дома, в избушке, притаившейся в хвойном лесу у самой рутенской границы, она уже с полгода не была. Кто или что встретит ее там? Придется рискнуть. Согласно кивнула, только уточнила для порядка:

– Как и когда я эту собаку или кошечку доставлю?

Парень весело рассмеялся:

– Тараканов! Это еще может оказаться десяток тараканов, дружно встречающих свою хозяйку. Не тревожься, я сам за своим приду. А времени тебе даю тринадцать лет...

– Драконова дюжина?

– А что? Символично! – Кощей задорно подмигнул. – Ну что, по рукам?

Варвара решительно подалась навстречу, вбирая в горсти нити судьбы. Их пальцы встретились на полдороге, заключая ведьмин договор.

До дома Яга добралась, когда уже вовсю хозяйничала весна. Изумрудная молодая травка мягко стелилась под ногами, в кронах деревьев щебетали птицы, а солнышко ярко светило сквозь наливающуюся соком хвою. Еще издали женщина заметила, что избушка ее имеет вид жилой и ухоженный. Из трубы валил дым, окна сверкали чистотой и нарядными занавесками, слышалось блеяние, кудахтали куры. Сердце Варвары забилось часто-часто. «Анна, доченька... Никому тебя не отдам...» В загончике для скотины молодая светловолосая женщина доила козу. Сосредоточенно склонившись над подойником, она не заметила подошедшую ведьму. А та со всех ног неслась к дому. Быстрее! Ступить на родной порожок, перехитрить Кощея проклятого.

Дверь избушки отворилась, и на Ягу уставилась пара медовых глазенок:

– Здравствуйте! Вы моя бабушка?

Глава 3. О том, что у семи нянек дитя без глазу

*Zu viele Köche verderben den Brei⁶.
Древняя швабская мудрость*

У меня зуб на зуб не попадал то ли от возбуждения, то ли от влажного холода, подло пробирающегося под одежду. И это несмотря на то, что надетые по случаю ночной вылазки мужские порты были туго перетянуты у щиколоток и заправлены в сапожки. Устроившись на ворохе палых листьев прямо в придорожной канавке, я могла наблюдать и за тропинкой, ведущей от деревни, и за ровными холмиками погоста. Жемчужная россыпь звезд над головой и полная глянцева луна давали достаточно света. Матрена запаздывала. Видимо, для беременной женщины перебраться через реку по шатким мосткам, да еще ночью, было непросто. А что, если ее Лаврентий не выпускает? Ёжкин кот, что тогда делать?

Мои опасения были напрасны. Грузная фигура кузнечихи показалась вдали, переваливаясь, как утица. Вот сейчас как выскочу из своего укрытия – ее точно карачун хватит! Пока я раздумывала о том, как бы поаккуратнее показаться, Матрена поравнялась со мной. Ее лицо было спокойно и сосре-

⁶ Слишком много поваров только портят кашу.

дотоечно, глаза ничего не выражали.

– Доброго здоровьичка, – пискнула я сдавленно.

Никакой реакции – даже головы не повернула. Размеренное дыхание, пустой взгляд, будто спит на ходу. Слыхала я про таких людей – лунатики называются. Для окружающих безобидны, а вот себе могут беды наделать. Хотя, может, и не в Матрене дело. Помрачение и колдовством навести можно. Если так, то мне сейчас дела не поправить. Эх, была б я хоть вполонину такой сильной ведьмой, как моя бабушка, щелкнула бы пальцами по-особому, и все готово. А так придется соседушку в место силы волочь, да у лешего помощи просить...

От кованой оградки погоста отделилась серая рогатая тень, бесшумно приблизилась к Матрене. Вязкий шепот раздался, казалось, со всех сторон. «Пойдем, пойдем, девонька, давно тебя жду...» Я похолодела и попыталась зарыться поглубже в листья. Соседка молча кивнула и пошла за провожатым. Чуть дальше они свернули с проторенной дорожки. Я кралясь следом, пытаюсь ничем не выдать своего присутствия. Надеяться приходилось только на помощь лесного хозяина, неведомое рогатое чудовище пугало меня до слабости в коленках. Улесок быстро кончился, мы ступили под кроны деревьев – света сразу стало меньше. Я потеряла глаза, пытаюсь настроить ночное зрение. Куда они подевались? Странная парочка, которую я преследовала, исчезла, будто корова языком слизала. Прислушалась. Тишина... Обычные звуки

ночного леса не нарушались ни человеческим голосом, ни хрустом веток...

– Потерялась, красавица? – раздалось неожиданно над самым ухом.

Тело сработало раньше разума. С разворота я изо всех сил засадила ногой в ночного татя. Огромная фигура грузно осела на землю.

– Arsch! – Зигфрид смотрел укоризненно снизу вверх, держась руками за живот.

– Не знаю таких слов, – покраснела я. – А нечего к одиноким девицам в темноте подкрадываться.

– Да ты бы меня не заметила, даже если б я песни пел... Ходишь по лесу, будто на прогулке.

– Зачем следил за мной? – Грозно сдвинув брови, я склонилась над студентом.

Молниеносная подсечка, перекат, и вот уже я лежу на спине, а надо мной нависает разозленный Зигфрид.

– Во-первых, не следил, а охранял...

– Тьфу, видала я таких охранников... Сами с усами. – Я попыталась вывернуться, уперев руки ему в грудь, и прятала глаза. – Отпусти!

Ладонями я чувствовала гладкую прохладу его кожи, напряжение мышц и то, как часто бьется его сердце. Парень так и не переоделся, под распахнутым камзолом ничего не было надето. Пару мгновений я думала, что он не даст мне подняться. Я твердо встретила внимательный взгляд серых

глаз и повторила:

– Отпусти, больно же.

– Кхе-кхе, не помешал? – раздался голос.

Зигфрид ловко вскочил на ноги и поднял меня, ухватив за запястья. Леший смотрел неприветливо, исподлобья.

– Здоров будь, дедушка, – пробормотала я смущенно.

– Виделись, – отвечивал лешак. – Нашли время любиться. Когда тут такие дела творятся. Эх...

– Упустила я твою милку, след потеряла, – повинилась я. – Найдешь?

– Отчего ж не найти... Дело нехитрое.

Студент чинно поклонился:

– Здравствуй, хозяин.

– А это кто у нас тут такой умный? Из каких краев? Какого чина-звания? Ты учти, абы кому мы Лутонию не отдадим. – Дедушка глядел на Зигфрида, как дите малое на масленичный шест, высоко задрал голову.

– Швабский барон фон Кляйнерманн.

– А папеньку у нас часом не Олафом кличут? Слышал-слыхал...

Студент кивнул. Было видно, что он приятно удивлен.

Видя мое недоумение, леший пояснил:

– Отец твоего милого – главный егермейстер у ихнего кронпринца. Толковый мужик, очень его вальдгайсты – местные лешие уважают. Папеньку, а не правителя... Кронпринц у них как раз... Тьфу, чего это я в политику ударился?

Мне стало понятно, почему Зигфрид с такой легкостью меня выследил. Видимо, с детства с отцом привычный по лесам ходить. А лешак между тем вовсю сворачивал разговор:

– Ну, как говорится, приятно было познакомиться, будете у нас – не проходите мимо. Рубецалю при случае от меня привет передавай. Скажешь, Ляксея Междуречный велел кланяться и про должок напомнить. Лутоня, пошли.

Леший взял меня за руку.

– Нет уж, дорогой хозяин, я здесь не останусь, – ухватился за другую мою руку Зигфрид. – Эта барышня находится под моей охраной и никуда без меня не пойдет.

Я почувствовала себя частью хоровода, ноги сами собой вознамерились пуститься в пляс.

– В нашем деле чужаков не надо, – дернул меня леший.

– А это теперь и мое дело, – потянул на себя студент.

Я мотала головой, как деревянный болванчик. Ёжкин кот! Вот нашла коса на камень, а я посередке на манер пучка травы. Сейчас эти забияки меня напополам разорвут! Вон и рубеха как-то подозрительно трещит.

– Значит, так. – С усилием я выдернула руки. – Успокойтесь!

– А чего он за тебя хватается? – не унимался леший.

– Пока я не выясню, что происходит, никто с места не двинется, – стоял на своем барон.

Переговоры зашли в тупик. Я лихорадочно раздумывала, как поступить. С одной стороны, время не терпит. Матрена,

беззащитная и беременная, в руках загадочного рогача. Куда и зачем ее повели, я не выяснила. С другой – использовать студента вслепую как-то не по-людски. Зигфрид кажется мне человеком порядочным и надежным. А поддержка сильного мужчины, к тому же боевого мага, может понадобиться. Я же не знаю, с чем или с кем нам придется столкнуться...

– Дедушка, дай мне пару минут, – решила я. – Нам с бароном поговорить надо.

Леший обиженно насупился:

– Матрену к Идоловой поляне ведут. Я сразу вас всех за-сек, как только в лес вошли...

– Ух ты, – прикинула я. – Это ж совсем в другой стороне. Такой крюк делать придется. Нагоним?

– Отчего ж не нагнать... Сейчас, пока ты тут ворковать да любезничать будешь, я лешачью тропу наведу. Вмиг домчимся.

Я повернулась к Зигфриду:

– Ты – хороший огневик?

Парень пожал плечами:

– Неплохой.

– Боевым заклинаниям обучен? Можешь при случае чего-нибудь сотворить?

Барон протянул в мою сторону ладонь, на которой расцвечал оранжево-синий огненный цветок. Я замороженно, забыв дышать, глядела на чужое колдовство. В лицо пахнуло раскаленным воздухом.

– Эй, заканчивай! – закричал леший, отвлекаясь от своей волшбы. – Мне только пожара в лесу не хватало!

Парень сжал кулак. Послышалось шипение. На миг я ослепла. Поморгала, привыкая к изменившемуся освещению. Его глаза за стеклышками очков оказались близко-близко, не отвести взгляда, не спрятать. В глубине зрачков бушевало затухающее пламя.

– Ну что, девочка, пришло время посвятить меня в твои загадочные дела?

И я рассказала: и про беременную дуру Матрену, и про свои опыты с волшебным гребнем, и про договор с хозяином леса... Зигфрид внимательно слушал, иногда кивая.

– Ты не передумал помогать мне? – спросила я, закончив рассказ.

Зигфрид улыбнулся:

– Фройляйн Ягг так просто от меня не отделается. Только один вопрос. Как ты узнала, что я адепт огня?

Я пожала плечами:

– Догадалась.

– Все готово, – в нетерпении приплясывал на месте леший. – Ну что, пошли или как?

– Барон идет с нами, – проговорила я, ступая в молочный туман лешаковской тропы.

Запахло тиной и болотной сыростью. Сразу стало трудно дышать, сочащийся влагой воздух, казалось, забивал легкие. Я шла первой, положившись на хозяйскую волшбу. Позади

негромко переговаривались провожатые. За пределами дороги ничего не было видно, будто движешься внутри белеющей пульсирующей кишки.

– А невеста у тебя, добрый молодец, дома имеется? – с места в карьер пустился в расспросы дедушка.

– Кому и кобыла невеста, – отшутился студент.

Леший задумчиво почмокал губами, потом обстоятельно продолжил:

– А откель ты так справно по-нашему научился говорить?

– Матушка моя из этих мест, она и научила. Может, знаете – Магда, урожденная Цурбригген.

– Отчего ж не знать, знаю я Чуркиных, они, почитай, годов тридцать тому корчму на тракте держали. И родительницу твою хорошо помню. Девка – огонь, здоровущая, любой парень ей по плечо был. – Леший мечтательно вздохнул. – Никак не могла себе под стать в наших краях пару найти... Ушла пешком, с котомкой за плечами – лучшую долю искать. Вот ведь как ее жизнь закрутила... А папанька твой аристократический как нарисовался?

– Во время осады Вормса романскими войсками муттер так ловко орудовала отобранным у какого-то солдата двуручником, что отец не устоял. – В голосе Зигфрида послышалась нежность. – Сразу после победы увез ее в свое имение и стал увлеченно заниматься продолжением рода Кляйнерманнов.

А студент-то родителей любит... У меня аж слезы на глаза навернулись, надеюсь, от умиления, а не от зависти. Я-то

своих и не помню почти, только бабуля у меня и есть.

Леший хлопнул в ладоши:

– Ну говорю же – бой-девка! А в огневики ты как подался?

– Как все, – ответил Зигфрид. – Поджег случайно замок, местный маг сказал – способности, надо учиться. В нашем княжестве наставника не сыскалось. Отец написал ректору Квадрилиума, меня вызвали на экзамен...

Под ногами приятно поскрипывала галька. Неужто от самой речки окатыши таскал? Да подбирал по цветам – коричневатые, зеленые, бурые... А вот этот плоский стеклянно-прозрачный белый опал я сегодня видела. Да никак ушлый хозяин дорогу закольцевал, чтоб мы подольше шли?! Видимо, любопытство дедушкино разыгралось не на шутку, если вместо того, чтоб к своей любушке спешить, он допросы устраивает.

– Долго еще? – обернулась я к шушукающейся парочке.

– Да нет, почти на месте. – Леший усиленно сигнализировал бровями, чтоб я не перебивала.

Подумаешь, не очень-то и хотелось! Надувшись, я зашагала дальше.

– А невеста у тебя, добрый молодец, дома имеется?

Я наострила ушки. Где-то я уже это слышала... За моей спиной воцарилось многозначительное молчание. Либо студент собирается с духом, либо... Я резко повернулась. Ёжкин кот! На тропинке я стояла одна. Туман молочными струйками растекался по утопанной траве, прячась под

корнями деревьев. Я растерянно завертела головой, пытаюсь определить, где нахожусь. Та-а-ак! Вот приметный куст бородавчатого бересклета, а вот одинокая голубая сосенка, неведомо какими ветрами занесенная в наши края, – до Идоловой поляны рукой подать. Я почти у цели, а Зигфрид остался там – на закольцованной лешачьей тропе, где морок, прикинувшийся лесным хозяином, будет бесконечно задавать ему одни и те же вопросы. Что делать? Скандалом ничего не добьешься. Колдовство лесное так устроено, что снять его может только человек, против которого оно направлялось. Так что или Зигфрид сам разберется, или я брошусь в ноги хозяину, чтоб сжалился. А иначе никак.

Дедушка появился, как всегда, неожиданно. Просто вышел из тени и ухватил меня за руку.

– Ты, это, Лутоня, на меня, старого, не серчай. Только очень уж я огневику не жалую.

– Когда морок с парня снимешь?

– Как только, так сразу. Знаешь, сколько мне ихний брат лесу пожег, когда последняя война была?

– Знаю, ты рассказывал. И про то, как с водяниками объединился, и как пятнадцать боевых магов в болото завел... Ты же у ледзян до сих пор что-то вроде народного антигероя – из байки в байку кочуешь.

Дедушка порозовел и скромно потупил лягушачьи глазенки:

– Не бойсь, девонька, твоего-то отпущу...

Тут уж моя очередь глазки опускать пришла.

А потом раздался крик. Громкий, давящий, истощный, заставляющий мою кожу покрываться мурашками. Будто вспучилась подо мною матушка-земля, будто небо гулким колоколом качнулось над моей головой, будто... рожала женщина.

Мы с лешим кинулись на звук. На опушке происходили странные вещи. Оранжевый столб пламени поднимался к самому небу – в центре поляны горел костер. Я залегла в кусты, спутник плюхнулся рядом, тихонько охнув. На плоской поверхности валуна, раскорячившись и истощно воя, лежала Матрена. Ее сарафан был задран чуть не до подбородка, огромный живот возвышался над головами окруживших ее рогачей. А тех было уже... Два, четыре, шесть... Размножаются они, что ли? Исчадия сновали по поляне, будто в каком-то недобром танце, передавая друг другу отвратительного вида оружие на длинных шестах, переговариваясь и встряхивая головами, склонялись над роженицей, опираясь руками на камень. У меня просто волосы на голове зашевелились – слопают нашу Матрену, а косточки выплюнут.

– Тужься! Дыши! Тужься!

А голос-то какой – до боли знакомый...

– Ой, что ж теперь с нами будет?! – потрясенно шептал леший.

Я решительно поднялась. Дедушка схватил меня за щиколотку:

– Не лезь, пришибут!

– А вот сейчас и проверим, – дернула я ногой и двинулась в гущу событий.

Мое появление никого не удивило. То есть совсем. Матрене было не до того – живот опускался, ребеночек начал выходить. Голова женщины была запрокинута, бисеринки пота блестели на искаженном от усилий лице, рот раскрывался в гримасе боли.

– Ну, давай, болезная, тужься, вон уже и головка показалась... – кричала ей моя бабушка, поправляя предплечьем постоянно сползающую на глаза рогатую кичку. – Поддайте жару, сестры!

Незнакомые мне бабы в таких же потешных головных уборах принялись подкидывать в костер еловые шишки, палые листья, веточки и все то, до чего дотягивались их квадратные с закраинами лопаты, усаженные на длинные черенки. Несмотря на скудость подкорма, пламя взревело и взметнулось еще выше. Казалось, сейчас молодой серпик луны поджарится на этом огне, как первый блин, который по обычаю нарочно выпекают корявым и кособоким.

– Слабеют-то схватки... – пробормотала бабуля себе под нос. – Лутоня, не мешайся под ногами, потом поговорим.

Старая ведьма, полуприкрыв глаза, положила руки на Матренин живот. Теплый желтоватый свет, изливающийся из ее ладоней, покрывал все будто прозрачной маслянистой пленкой. Роженица закричала совсем уж не по-человечески.

Я едва успела подхватить окровавленный пищащий комочек, который кузнечиха исторгла из своего тела.

– Ну хоть какой-то толк от тебя. – Яга ловко перерезала пуповину ножом и забрала у меня ребенка, чьи широко распахнутые рысьи глаза лучше всяких слов говорили о его происхождении.

Нестарая еще баба, широкоскулая и большеротая, суетливо подскочила с квадратным куском домотканой материи.

– Хлопчик, – прошептала благоговейно, чуть огубляя звук «л».

И вот уже новорожденный укутан в теплую пеленку и приложен к груди новоиспеченной мамыши. Костер будто сам собой стал затухать, и вдруг стало заметно, что каменный идол светится неярким пульсирующим светом, напоминая ритмом биение огромного сердца. «Триславна будь, Матушка...» – шептали бабы, по очереди подходя к статуе и совершая глубокий поясной поклон. Мне многое стало понятно. Так вот ты какая, Макошь – прародительница мира! Да за одно подозрение в идолопоклонстве – кандалы и острог, а потом на дыбе будешь доказывать вещунам Трехликого, что «я-де не я и лошадь не моя...». Эх, бабуля, во что ты ввязалась? Глаза идола, волшебны глубокие, смотрели на меня с нежностью и легким упреком. «Пряха нити прядет, в клубок сматывает, не обычные нити – чудесные. Из тех нитей сплетается наша судьба – от завязки рождения и до конца, до последней развязки, до смерти...» – Слова приходили ниоткуда.

да и слетали с моих губ, будто желтые листья с обессиленных веток дерева.

– Ну чего пялишься, как баран на новые ворота, – растормошила меня родственница. – Думала, меня можно каким-то поганым гребешком с разума свести?

Бабушка стояла подбоченясь и злобно зыркала в мою сторону, только что не шипела рассерженной кошкой. Я лишь хватала ртом воздух и вытирала рукавом соленые дорожки слез. А Яга между тем входила в раж:

– Думала, заколдую дуру старую и сама дельце проверну? Ан нет, повертелка еще не отросла! Ты против кого пошла, соплячка?!

– Я думала, ты ребеночка погубить хочешь, – рыдала я в голос.

– Ну все, все... Не убивайся так. – Леший появился, как всегда, ниоткуда и ласково гладил мои плечи. – Я ж говорил, Яга – женщина справедливая, не могла она на смертоубийство пойти.

– А ты чего, шишка еловая, девку сюда допустил? – накинулась бабушка на новый объект. – Было договорено, что морочить будешь, пока обряд не проведем.

– Да нешто внучку твою заморочишь, она все мои хитрости как осенний ледок – с наскоку бьет. А вот огневичок ейный до сих пор круги мотает.

– Ну хоть что-то... С паршивой-то овцы хоть шерсти клок, – начала остывать бабуля; было видно, что слова леше-

го ей приятны. — А с дружкой новым я после разберусь, да так, что не обрадуется.

Тут уж я разозлилась:

— К чему было весь этот балаган с потерей памяти разводиться?

— А чтоб неповадно... чтобы впредь... — Разноцветные бабушкины глазки воровато забегали. — Теперь семь раз подумаешь, прежде чем незнакомую волшбу городить.

Вот уж припечатала так припечатала! Больше всего мне хотелось орать, ругаться нехорошими словами и бить посуду. Я глубоко вздохнула, набирая воздуха для забористой тирады.

— Варвара, а чего нас с внучкой не знакомишь? — подошла давешняя баба с широким улыбчивым ртом.

Да уж, рутенский говор давался ей непросто. А из-под рогатой кички на плечи сбегали тонко плетенные светлые косицы. Новая знакомица была ледзянкой. Яга подняла руку в жесте отрицания:

— Погоди, Данута, сейчас ребенка в дорогу снарядим и толковище устроим.

— А мать-то?.. — Тоненькие бровки вопросительно изогнулись.

— Матери он без надобности, — отрезала бабуля. — А в ски-ту его выучат, вырастят, и будет у Пряхи еще один волхв.

Так, значит, бабушка с самого начала не планировала убивать младенца? Я припоминала формулировки ведьмино

договора. Матрене было обещано, что ее «от горя избавят». Только и всего, остальные ужасы я сама придумала. Охохонюшки! Наказать себя, что ли? В угол на горох или вообще розгами по мягкому месту. Представив, под каким углом мне придется извернуться, чтоб это осуществить, я приснула. Леший пошевелил ушами. А он-то чего как приколоченный тут стоит? Ни любововница, ни ребяенок ему уже не интересны? Я оглянулась на камень. Матрена все так же держала младенца у груди. А ведьмы-то хороши – скит у них, общество какое-то сестринское... А бабушка-то – за столько лет ни намека, ни словечка... Тьфу, да что мне за чушь в голову лезет, когда тут такие дела творятся? Я сделала большой шаг вперед и звонко щелкнула лешего по лбу. В кусты бесконечно плавным прыжком сиганул уже слегка поседевший от страха перед приближающимися холодами заяц.

– Бабуль, лесовик Матрену увел, – сказала я, перебирая ворох палых листьев на том месте, где всем виделась рожевица.

Яга встрепелась, повела головой из стороны в сторону, будто прислушиваясь, и закричала:

– Найти!

Остальные жрицы кинулись с поляны, как свора охотничьих собак, послушных слову хозяина.

– Ну ничего... Приведут их сестры, – бормотала бабушка, обессиленно опускаясь на землю возле почти остывшего кострища.

Скупой пасс руками, и вот уже веселые язычки пламени разгоняют ночной сумрак.

– Как же они лешего поймают в его-то владениях? – присела я рядышком.

– Это, девонька, еще неизвестно, чьи тут уголья...

– Одного не понимаю, – поворошила я угольки длинной веткой, – чего ты не разрешила ему ребеночка оставить? И зачем обряд нужен был? Разродилась бы баба тихонько, а там бы уж решали.

– А чего решать? Знаешь, какие из таких полукровок берендеи-перевертыши получаются? Парня обучить надо, к сильной волшбе подготовить. А насчет обряда... Без Матушкиной помощи – никак, обоих могли потерять – и мать, и дитя.

Тут меня осенило.

– Получается, что ты свою часть договора так и не исполнила? Что ж теперь будет?

До меня только начал доходить весь ужас положения. Но пострадать вволю не получилось. На поляну ввалился Зигфрид, дрожа от возбуждения и дико поводя глазами. Его раскаленные ладони роняли на землю голубоватые искры. Огневик явно готовился к драке.

– Я опять все интересное пропустил?

– Охолонь, – примирительно сказала бабушка, приглашающе похлопав по траве рядом с собой. – Садись, рассвета ждать будем.

Студент обвел взглядом поляну – идола, алтарный камень, нашу теплую компанию – и устроился неподалеку, потешно свернув ноги калачиком. От остывающих рук шел пар.

– А кровь откуда? – Круглый, с ямочкой подбородок указал в сторону валуна.

– Матрена рожала, – скупое пояснила я. – Мальчика родила.

– Ну это понятно. – Зигфрид почесал в затылке. – А откуда кровь?

Ёжкин кот! Это в каких университетах таких недалеких студентов держат? Он что, дурак? Меня так и подмывало какую-нибудь похабщину вымолвить.

– Да мужик он, просто мужик, – ответила Яга на мой молчаливый вопрос. – Не перемайся, много будешь знать – скоро состаришься... – Это уже студенту. – Лучше расскажи, зачем тебя ко мне послали? Кто там у вас за главного – мэтр Пеньяте небось?

– Вижу, мои наставники не даром говорили о вашем недюжинном уме, фрау Ягг. – Студент ухватился за пояс, щелкнула пряжка, из-под кованой накладки появился мутный кристалл, больше всего похожий на неровный кусок соли.

С поклоном протянул вещицу бабушке:

– Ректор просил передать вам послание.

Ведьма хитро улыбнулась и без замаха бросила друзу в огонь. Когда дым рассеялся, на месте кострища оказался

невысокий сухонький старичок. Его полупрозрачная фигура была закутана в бордовую мантию. А всклокоченная пегая копна волос в сочетании с крючковатым носом и ехидными темными глазами указывала, что перед нами настоящий коренной элориец.

– Варвара! – взволнованно вскричал дедок. – *Mi mejor amigo!*

И затарахтел, выплевывая звуки, как сухие горошины. Этого языка я не знала. Но, судя по довольному лицу бабушки, послание было не лишено приятности.

– Он нас видит? – проговорила я тихонько, обращаясь к Зигфриду.

– Нет, – так же шепотом ответил он. – Односторонняя связь, типа – звуковое письмо.

– Это твой наставник?

– Ага. Мощный маг огня, одним взглядом может...

Ведьма на нас цыкнула, и мы замолкли. А далекий элориец тем временем выхватил откуда-то чудные гусли с длинной деревянной пластиной сбоку. Пристроил на коленях, пробежался пальцами по серебряным струнам. Гулко разнесся первый аккорд, чеканная мелодия выстраивалась подобно кружеву, зазвучала песня. У дедка оказался глубокий приятный голос. Я не понимала ни словечка, но пел он о любви, да так, что сердце мое замирало в предвкушении, а на глаза наворачивались слезы. И представилось, как крепкие, надежные руки обнимают мои плечи, нежно шепчут губы, а

синие как омуты глаза... Брр! Чего-то меня не туда заносит! Я потрянула головой, разгоняя наваждение. Бабушка хлопнула в ладоши – на поляну опустилась тишина.

– Фольклорная практика, значит... – задумчиво пожевала губами ведьма. – Ну-ну...

– Что мне передать мэтру? – подобрался барон.

– Передай, что ежели его из университета выпрут, сможет скоморошить по дорогам, – отрезала Яга.

Потом милостиво добавила:

– Думу думать буду, тебе решение сообщу. Тут семь раз отмерить надо... Ты пока делом занимайся – пословицы там, поговорки... Тосты опять же. Не все ж тебе полезных в хозяйстве муравьедов потрошить.

Тут бабушка гнусно захихикала, я поняла, что дело пахнет пригорелым. Студенту в ближайшее время здоровьем озаботиться придется, особенно если под каждую здравицу чарку опрокидывать.

Из предрассветных теней бесшумно появлялись сестры. Судя по всему, погоня успехом не увенчалась. Я с удивлением заметила, что все жрицы гораздо моложе моей бабули. И если Данута по возрасту годилась мне в тетки, то остальные были чуть старше меня. Не бабы – девицы. Студент держался гоголем – плечи расправил, поплотнее запахнул сюртук и поправил очки на переносье. Ведьмы едва удостоили его внимания. Молча рассаживались вокруг костра. Одежда жриц, кроме одинаковых головных уборов, отличалась раз-

нообразием. Данута щеголяла подбитой мехом кацавейкой, накинута поверх длинной вышитой рубахи. Курносые и голубоглазые, похожие друг на друга, как горошины в стручке, рутенки кутались в богатые беличьи шубки. А еще две барышни, чье происхождение вот так с наскоку не определялось, были в диковинных нарядах, плотно облегающих грудь и широко расходящихся от талии. В памяти всплыло простое слово «кринолин».

– Они по наведенной тропе ушли, – проговорила ледзянка, повинно наклонив голову. – Совсем...

– Не казись, – ответила бабуля. – Моя в том вина, забыла я о великой силе материнской любви. Передумала Матрена, ради ребенка за Ляксеем пошла.

Затем продолжила, обращаясь уже ко всем присутствующим:

– Благодарствую, сестры, что по первому зову ко мне на помощь прилетели. Больше нет у меня права вас созывать – ведьмину клятву я нарушила. Теперь вот Данута пусть промеж вас главной будет, пока Макошь свою волю не явит.

И, отметая возражения, пружинно поднялась с земли:

– Лутоня, хватай студента.

– Пусть твоя внучка останется, – проговорила ледзянка, задорно мне подмигнув.

– Не наша она, – сомневалась родственница. – Не успела я в младенчестве ее обратить, а потом уже поздно было...

– Она – женщина, значит, наша. Дай девчонке немножко

свободы, чай, не заблудится, дорогу найдет.

– Уболтала, – сварливо согласилась бабушка. – Но чтоб до полудня дома была.

– А я? – начал притихший было Зигфрид.

– А ты, барон, как человек благородный, проводишь пожилую женщину. – Яга картинно схватила за поясницу. – И забудешь обо всем, что видел сегодняшней ночью.

– О, фрау, забыть о вокальных упражнениях начальства, боюсь, будет выше моих сил. – Студент вскочил и галантно поклонился.

Рука об руку они покинули поляну. А как только их спины скрылись за деревьями, до нас донеслась исполняемая в два голоса песня, в припеве которой повторялось «эль амор».

– Нареченный твой? – брезгливо кривя рот, спросила одна из кринолиновых девиц.

– Друг, – ответила я как могла твердо.

– Глупые вопросы, Тереза, – вступилась за меня ледзянка. – Ночь на исходе. За дело, сестры! Ведьмин круг!

Все взялись за руки. Мою левую ладонь холодила рука высокомерной Терезы, а правая досталась круглолицей и круглобокой рутенке. Не совсем понимая, чего от меня хотят, я исподтишка осматривалась. Закрытые глаза, сосредоточенные лица, напряженные рты. Я тоже зажмурилась. А потом я почувствовала себя так, будто в мое темечко попала молния. Ослепительная вспышка света сменилась угольной чернотой, из которой стали вырисовываться разноцветные ло-

манные линии. Они бежали, переплетались, путались, сбивались в колтуны. И я понимала, что обязана расчесать, выпрямить эту волшебную кудель, распутать все нити судьбы. Своим новым внутренним зрением я видела каждую из сестер, причем как снаружи – до последней веснушки, до каждой крохотной реснички, так и изнутри – с их чаяниями, обидами, мечтами. Тереза была романской княжной, и самым большим ее желанием было выйти замуж за двоюродного брата. Как я поняла, близкородственные браки в их краях были запрещены, и девушка страдала. Близняшки Дарья и Марья были дочерьми стольноградского купчика, и в миру их заботило только то, что батюшка на новый сарафан денежку не отсыпал. Данута обреталась под Вавелем, занимаясь ведовством в небольшой деревеньке. А пятая сестра – Йохана, оказалась наперсницей Терезы. Причем про себя она думала противным словом «приживалка». И несмотря на то, что все они были разными, та крошечная капелька крови племени ягг, которая текла в их жилах, позволяла им объединенными силами продолжать традицию – служить Матушке. И еще я понимала, что мне в действе отводилась скромная роль источника силы – всех сестер здорово потрепала погоня. И видела, какой смешной чумазой деревенщиной выгляжу в их глазах. И ничуточки, ничуточки не обижалась. Мне было так невероятно хорошо, что я хотела всю себя отдать на служение, выдавить, выплеснуть до донышка, чтоб пустой оболочкой лечь под ноги богине. И она отвеча-

ла мне благодарной лучистой улыбкой, в которой я растворялась, как соль в кипятке.

«Эх, иссушили девку», — донеслось издалека, будто сквозь подушку. «Поспешаем, сестры, уже рассвет... не поминай лихом...»

Пришла в себя я ближе к полудню, лежа на холодной земле возле мертвого кострища.

Глава 4. Очень зимняя, в которой у героини просыпаются силы и ей предстоит отправиться в путь

*Мы-й у свата бували,
Ничего не видали:
Ни пива, ни водки,
Пересохли наши глотки!*

Корильная песня

Неслышной и почти незваной, кутаясь в пушистую снежную шаль, аккуратно переступая мягкими меховыми унтами, в Рутению пришла зима. Пора праздная и сытая – время братчины и свадеб. Мохнатые снежинки, похожие на разлапистых паучков, закружили хороводами, реку сковало панцирем блестящего гладкого льда, а в воздухе стали разноситься густые запахи копчений да пирогов.

Ну, это для кого роздых, а для кого времечко над книгами горбатиться. Родственница спуску не дает – учиться заставляет. Говорит, и так много упустила. А про то, что причина была уважительная и что это ее подруженьки меня чуть в могилу не свели – ни мур-мур.

После памятной ночи на Идоловой поляне я слегла. Болталась в сером тумане между жизнью и смертью, почти ни-

чего не слыша и не ощущая. Яга, лишенная покровительства Матушки и оттого непривычно слабая, сбивалась с ног, пытаясь поднять меня отварами и заговорами. А я медленно, неотвратно угасала. Время от времени приходила в себя, чтоб безучастно отметить горький вкус лекарства или душевный жар печи, в которую меня регулярно опускали для лечения, а потом забывалась тяжелым, недобрим сном – меня колотила лихорадка. В бреду приходили ко мне видения, большую часть из которых я не запомнила, являлись странные люди и нелюди... Иравари, которой для бесед теперь не нужно было блюдца, склонялась над лежанкой, укоризненно качала головой, пряча слезы в уголках глаз. Леший укачивал на руках слюнявого рогатого младенца и радостно мне улыбался из угла горницы. Трехликий, как ему и положено, ходил утром на четырех ногах, днем – на двух, а к вечеру отрачивал третью. Макошь, почему-то коротко по-мужицки стриженная, подносила ко рту чудную дымящуюся палочку и выдыхала мне в лицо вонючие клубы. Я отмахивалась, надсадно кашляла. «Рано тебе еще, девка, – втолковывала она мне. – Рано, и не ко мне...» И соленый ветер надувал паруса, и крики чаек разносились над бескрайней морской гладью...

А потом все кончилось. Одним прекрасным утром я проснулась затемно, потянулась от души, до хруста, прислушалась к себе и поняла, что абсолютно здорова. Когда, пошатываясь с отвычки, добрела до оконца, стало ясно, что, пока я болела, чернотроп остался позади – Мохнатовку укрыли

снежные сугробы.

— Ба, — подняла я голову от толстеного фолианта. — А зачем мне все тридцать три хинских говора знать надобно? Я ж до тех земель в жизни не доберусь, чтоб свою образованность показать.

— А все пригодится, — рассеянно ответила ведьма, хлопоча у плиты, помешивая в чугушке густое травяное варево. — У них завсегда сильные колдуны были, и все, вишь, любили за собой записывать. А тебе хитрый заговор прочесть или таблицу звездную составить... или кушанье какое чужеземное приготовить — все кусок хлеба.

— Бабуль, а почему ты меня по-элорийски не учишь? Такой красивый язык, и, наверное, уж их маги посильнее хинских сейчас будут.

— Эх, Лутоня. — Яга сняла пробу большой деревянной ложкой, поморщилась и досыпала в чугунок из полотняного мешочка. — Там все непросто...

С истошным петельным визгом распахнулась дверь, в горницу через сени ввалился клуб морозного воздуха, а вслед за ним — уставший Зигфрид.

— Расчистил дорожку, принимай работу, хозяйка.

— Вот еще, буду я ноги лишний раз трудить, — вежливо ответила бабуля. — Разгреб снег, и ладно. Лучше объясни нашей девице, почему я ее элорийскому наречию не обучаю.

Студент не обиделся или просто виду не подал. Скинул в углу на лавку теплый зипун, варежки и, потирая руки, усел-

ся за стол напротив меня. Помолчал, собираясь с мыслями, снял запотевшие в тепле очки.

– Знание этого языка дается только тем, кто хоть раз там побывал.

– Кем дается?

– Не знаю. Просто выходишь из портала и сразу начинаешь понимать чужую речь, будто в голову кто-то нужные слова вкладывает. А потом, даже когда покидаешь Элорию, это знание с тобой остается.

Надо ли уточнять, что мне сразу туда захотелось? Кто ж от такого подарочка откажется? Я-то точно не из таких. Хочу, хочу, хочу...

– Фрау Ягг, – повернулся студент к бабуле. – Может, отпустите со мной внучку на гуляние? Чего-то она бледненькая совсем. Силыч сказал, на площади скоморохи представление давать будут, да и на берегу сейчас весело. Пусть развлечется, а я за ней присмотрю.

Вот оглоед! Бледненькая я ему! Да с моей болезнью бабушка про притирки да замазки забыла. Вот рябые разводы сами собой и пропали. А то, что кожа у меня светлая, – так это порода у нас, яггов, такая. Как бы это на себя незаметно глянуть – в плошку с водой, а еще лучше – в блюдце волшебное? Спросить у Иравари – может, я собой дурна, может, и ни при чем были бабушкины ухищрения? Я засуежилась было, но притихла под тяжелым взглядом родственницы. Ой, не пустит...

– Отчего ж не погулять, коли дело молодое, – неожиданно решила бабуля. – А вечером к нам приходи – будем твоему ректору ответ писать.

Зигфрид широко улыбнулся.

– Рано радуешься, – окоротила ведьма. – Я еще ничего не решила... Иди пока на дворе подожди. Лутоне приодеться надо.

– Я не буду этой гадостью мазаться, – опасливо пропищала я, указывая на котел, когда за студентом захлопнулась дверь. – Пахнет уж больно... Аж глазам больно, так оно пахнет!

– Вот сейчас как дам в лоб, – пригрозила мне ложкой бабушка. – Сразу начнешь прорицальные зелья от притирок отличать. Учишь ее, учишь... Бестолковка! Кыш с глаз моих, пока не передумала!

Я рысью кинулась к сундуку. Ёжик кот! Это ж откуда у меня столько баракла насобиралось?

Погода радовала – мороз и солнце. Благодать! Зигфрид чинно топтался у крыльца. Вскинул голову, когда я вышла, уставился во все глаза и даже, кажется, дышать стал с переборами – через раз. Не нравится? Подумаешь! Сам-то не принц заморский. Небось, всей деревней ему одежду справляли. И зипун, хоть теплый и добротный, но явно с чужого плеча – вон как на локтях-то затерся. Все равно обидно. Поэтому буркнула неприветливо:

– Рот закрой, горло застудишь.

– Ну просто Снегурочка! – отмер парень.

Уф! Значит, все-таки от моей красы ненаглядной ошалел. Я оглядела свою голубовато-белую шубку, поправила на затылке меховую шапочку и про себя помянула добрым словом Ляксея, который мне на эту красоту шкурок насобирали. Эх, жаль, простые катанки обути пришлось – сапожки не в пример лучше смотрелись бы. Да только вот в такой мороз без пальцев на ногах остаться можно. Так что, как говорит наш староста под третью чарку, здоровье дороже. Я сразу повеселела.

Протиснувшись гуськом на укатанную общую дорогу, мы пошли рядом. Не сговариваясь, повернули направо – к реке. Барон бросал на меня косые взгляды и начинать непринужденную беседу не торопился.

– А она, говорят, совсем дурочка была... – начала я.

– Кто?

– Да Снегурка наша. Знаешь, на другом краю бирюк живет, то ли Роман, то ли Богдан – сейчас не упомяну...

Зигфрид попытался поправить очки и покачал головой:

– Нет, не знаком.

– Ну так вот... – продолжила я. – Давно дело было, годков тридцать назад, как раз под конец освободительной войны. Ну, когда наш теперешний князь Стольный град брал, то есть освобождал из рук коварных узурпаторов...

Я села на любимого конька – страсть как люблю истории рассказывать. Зигфрид оказался слушателем благодарным:

не перебивал, кивал в нужных местах, даже за локоток меня ухватил, чтоб ни словечка не упустить. А я разливалась соловьем:

– И к делу князюшка подошел с размахом – наемников нагнал видимо-невидимо. И северные варвары были со своими шаманами, и восточные колдуны, и... Да кого только не было! Даже дюжину боевых големов на штурм пустил.

Тут барон так стиснул мою руку, что я вскрикнула:

– Полегче, я-то не из глины!

– Прости, – смутился студент. – Я вашу новейшую историю плохо знаю. Как же ему удалось такое разношерстное войско собрать, да еще и под стены привести?

Вопрос был скользкий, углубляться в него не хотелось, поэтому я ответила кратко:

– Вещуны Трехликого порталы навели. Ты же знаешь, они мастера перемещений...

Зигфрид, видно, хотел еще что-то уточнить, да только я ему вопроса вставить не позволила, затарахтела, как глухарь на токовище:

– А дело было так. Возвращался в далекие жаркие страны докс Шамуил, чьи глиняные великаны сыграли решающую роль при штурме. Доксы считаются в народе людьми прижизненными, чтоб не сказать – скаредными. Правда это или нет – судить не нам. Только Шамуил полностью народному мнению соответствовал. Он благополучно развеял своих кукол сразу после победы – их транспортировка обошлась бы доро-

же, – получил с князя причитающуюся плату и, не торопясь, пешочком, опять же в целях экономии, двинулся в родные края. Путь его проходил через Мохнатовку. На ночлег остановился он в халупке нашего то ли Романа, то ли Богдана. Не, вспомнила – Мирон того деда звать. А чтоб денежку не тратить – заплатил за постой кусочком пергамента.

– С формулой? – ахнул студент.

Я хихикнула:

– Ну да! Одним из тех, которыми он свое воинство оживлял. Докс рассудил, что колдовство слегка повыхлолось, ни на что большое силы его уже не хватит, а бирюку в хозяйстве – в самый раз. Ну дальше ты, наверное, догадался...

– Нет, нет! Требую продолжения истории.

– А дальше – как в сказке. Тогда Мирон еще не отшельничал, хозяйка у него была. Тоже, представь себе, баба скопидомная. Только дед за глину – помощника себе лепить, она в крик: «Ты чего добро переводишь! Лучше печь с того боку подмажь!» Дед в спор, она за ухват. Так до зимы и спорили. А потом Мирон плюнул и слепил девку из снега, оживил ее пергаментом, назвал Снегурочкой. И хорошо слепил – талант у деда оказался. Она у стариков во дворе жила, в избу-то ее боялись заводить, чтоб не растаяла. Красивая, говорят, была – сама беленькая, глазищи синие огромные и русая коса до самой земли. По деревне шла – мужики цепенели. Правда, говорить не могла, только мычала. Видно, дед что-то с заклинанием напортачил.

– Идеальная жена! – закатил студент свои бесстыжие глаза. – Прекрасна, как богиня, и молчалива, как мрамор. Весной она растаяла?

– По легенде, ее Мороз Иванович себе забрал, то ли внучкой, то ли еще кем... Только я думаю, точно растаяла.

– И на основании чего фройляйн делает такие выводы? – продолжал веселиться Зигфрид.

– Ну это же скаредная баба Мирона потом на колобка по сусекам скребла. Скорее всего, ему Снегурочкин пергамент по наследству и перешел.

– А неблагодарная ватрушка, не мешкая, сбежала от своих благодетелей. Эту сказку я записывал, – подвел итог студент. И в подтверждение своих слов пропищал тоненьким противным голосом: – Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел.

– Садитесь, фон Кляйнерманн, отлично, – поддержала я игру.

Вот так, дурачась и подначивая друг друга, мы и дошли до цели. На смородиновом крутояре не протолкнуться – гуляет народ. Корочун сегодня – самый короткий день в году. Большой праздник. Нарядные краснощечие девицы вышли себя показать, парни – на красавиц посмотреть, а кто постарше и посолиднее – развеяться, отдохнуть от целого года тревог и забот. Песни-пляски, снежки да салазки, прямо на середине реки расчистили мужики место под каток. Ходит-бродит с лотками промеж гуляющих торговый люд – кому пряники, кому конфеты-мармелады или печенье, а кому и чего по-

крепче да пожиже – на любой вкус товар сыщется, на любую мошну. И разносится над толпой веселая морозная песня:

Ах ты, зимушка-зима,
Ты холодная была.
Ты холодная была,
Все дорожки замела.
Э-эй, да люли,
Все дорожки замела.
Все дорожки и пути,
Негде всаднику пройти.
Э-эй, да люли,
Негде всаднику пройти.

Зигфрид с кем-то здоровается, отвечает на поклоны, улыбается. Почти своим стал студент. Угол ему у себя Платон Силыч выделил, столоваться с домашними завсегда приглашает. Значит, барону в нашей деревне почет и уважение. А может, староста его женить надумал? А что? У Силыча три дочери на выданье. Не все ж им по вечерам под окнами прясть в ожидании суженого. И на меня деревенские внимание обращают. Только внимание неприветливое, настороженное. Ну да ничего, мы привычные... Однако бессмысленное хождение начало меня утомлять.

– Пошли хоть на ледянке скатимся, – дернула я студента за рукав.

– Твоей бабушке обещано было, что озорничать не позво-

лю, – поморщился Зигфрид. – Слаба ты еще для таких подвигов.

– Ну, тогда хоть леденец на палочке купи... – заняла я.

Спутник только кивнул и ринулся в толпу лотошников. У кого-то характер от мороза, видно, портится. Ну чего ему стоило прокатиться по обледенелому желобу аж до другого берега, да с ветерком, с гиканьем, с посвистом молодецким? А то бродим тут на веселом празднестве, будто нам сто лет в обед. Бабуля, вишь, ему не велела! Тоже подлиза знатный. Носятся со мной, как с тухлым яйцом, уже которую седмицу.

– Ой, девки, глядите, как ведьмина внучка расфуфырилась, – донесся до меня визгливый злобный голосок. – Небось всю осень морду в щелоке держала.

Это кто у нас смелый такой? Ага! Лизавета – младшая дочка старосты. У самого берега, где начинается укатанный ледяной спуск, веселится компания молодежи. Парни и девки отвлеклись на минутку друг от друга и все уставились в мою сторону. Мелькнуло лицо бывшей подруженьки, слегка вытянутое от удивления. Мне показалось – сейчас Стеша подойдет поздороваться. Нет, отвернулась равнодушно, что-то шепнув стоящей рядом девице. Ну правильно, не ровня я ей. Не очень-то и хотелось! А вот Лизавету надо отбрить. А то меня живо эти курицы заклюют. Проходили, когда они еще цыплятами желторотыми по деревне бегали. Поэтому я вдохновенно заорала, перекрывая ровный гул толпы:

– Ты, квашня, на себя посмотри! Всю свеклу из клетушки

на румянец извела? Так у тебя одна щека выше другой получилась! И за косу держись покрепче. А то, может, кто-то еще не знает, что она у тебя приплетная-а!

Вот так-то! Вишь, разозлилась как – так покраснела, что уже и не видно, чего у нее там выше. Правда – она завсегда большее брехни колет.

Я дорожку размету,
Сама к всаднику пройду.
Э-эй, да люли,
Сама к всаднику пройду.

Я гордо развернулась и... бамц! – получила в голову плотным снежком, аж в ушах зазвенело.

– Ой, люди добрые, Федор-то чернавку осчастливил! – захлебываясь, визжала Лизавета.

Вот ведь как полезно кавалера под рукой иметь. А мой где-то петушков липких выбирает. Федька – потный и раскрасневшийся кузнецов подмастерье – уже споро лепил другие снаряды. Ах, значит, так? Мало я тебя в детстве колотила! Время-то идет, а ума у некоторых не прибавляется. Я зарылась по локти в ближайший сугроб. Силы, конечно, не равны, да только я быстрее. Р-р-раз! – и огромный ком снега залепил лицо противнику. Федька только отряхнулся по-собачьи. В следующую минуту я согнулась под градом холодных колобков. Приятели Федора – Мишка и Гришка – поспешили на помощь недорослю. И я стала отбиваться. Осталь-

ные радостно скалились неожиданному развлечению, улюлюкали, кричали, но в баталии принять участие не стремились. По уму, мне следовало отступить – бежать домой или искать Зигфрида, чтоб спрятаться за его широкую спину. Да только овладел мною какой-то злой кураж – я носилась подобно грозовой туче, мои наскоро слепленные снежки разили без промаха. Вот уже схватился за глаз Мишка, Федор стал явно прихрамывать. Я уворачивалась от атак, используя любую неровность, любой снежный занос или куст, неожиданно переходя в контрнаступление. И лилась, лилась разудалая песня:

Ах ты, всадник молодой,
Ты возьми меня с собой.
Э-эй, да люли,
Ты возьми меня с собой.
Ты возьми меня с собой
Молодой своей женой.
Э-эй, да люли,
Молодой своей женой.

А сердце бьется часто-часто, горят щеки, покалывает морозцем руки – варежки потеряны в пыли борьбы. И Гришка, видимо уже порядком потрепанный, куда-то подевался. Скоро будет пора праздновать победу да песни величальные самой себе петь.

Ага! Разбежалась! Дальше все происходило одновремен-

но – подвернулась нога, со спины на меня накиннулся неожиданно появившийся Гришка, схватил за руки Федор. И мы орущей куча-мала кубарем скатились с крутояра. Пока я отплевывалась и отвешивала затрешины, стали подтягиваться зрители – вся честная компания. «А бережок-то нас от гуляющего люда очень удачно прикрыл, – почти равнодушно подумалось мне. – Теперь уж и студент не отыщет, и никто из взрослых не заступится, если что...» Меня за шкурку вытащили из снега, поставили на ноги. Двое парней держали за локти, пока походкой королевишны к нам приближалась Лизавета.

– Ну что, чернушка, получила на орехи? Будешь теперь знать, на кого тявкать.

Я только подбородок вздернула.

– Думаешь, меха нацепила и чудо как хороша сделалась? Или в зеркало никогда не глядела? Так я тебе покажу, а то так в неведении и помрешь. – Редкие мелкие зубы ощерились в недоброй ухмылке.

Порывшись в богатой поясной сумице, Лизавета вытащила круглое зеркальце.

– На, любуйся! – И сунула вещицу мне под нос.

Я зажмурилась. Нельзя, нельзя мне туда смотреть... Бабушка узнает, заругается. Чьи-то злые руки дергают за волосы.

– Смотри! А не то косу тебе отрежу. Федор, ножик дай.

– Может, ну ее... – бубнит Федор. – Может, хватит?

– Это я решать буду, когда хватит.

Лизавета непреклонна. Вот же повезет подмастерью с женой – попадет под каблук, пикнуть не успеет. А стальное лезвие уже холодит затылок. Еще чуть-чуть, и прощай моя гордость – толстая девичья коса.

Эх, пропадать, так с музыкой. Я широко раскрыла глаза, успев увидеть в зеркальце свою перемазанную физиономию с синяком на скуле. А потом гладкая полированная поверхность пошла трещинками и, мелодично тренькнув, разлетелась на тысячу мелких осколков.

– Ведьма! – ахнул кто-то испуганно.

И я почувствовала, как в волосы вгрызается закаленная сталь Федькиного ножа. Из моего горла вырвался низкий нечеловеческий вой.

А потом пришла пустота – страшная и звенящая. И будто четыре тугих каната обхватывают меня за пояс, вздергивают над землей, и я взлетаю над головами мучителей, широко раскинув руки. И с севера в мои рукава проскальзывают шаловливые струйки Бора, и с юга веет жарким ароматом раскаленной земли, восточный ветер и западный тоже приходят, потому что кружит меня, будто оказалась я внутри огромного воздушного водоворота. И с любопытством гляжу я сверху на разбегающихся людей, на сорванные ураганом крыши, на группу закутанных в черные плащи всадников, несущихся ко мне прямо по блестящему речному льду. А вон и Зигфрид, простоволосый, без шапки, пытается пробраться побли-

же, преодолевая порывы ветра. Падает, поднимается, опять падает, на четвереньках пытается ползти вперед. Снежный вихрь на минуту скрывает от меня фигуру барона, а когда снег опадает, я вижу, что Зигфрид лежит неподвижно.

– Нет! – кричу я и камнем падаю вниз.

Поздно вечером я, уставшая и зареванная, тихонько сидела дома на лавке, сжимая в руках кружку с мятным взваром. А бабушка бушевала. Такой я Ягу никогда не видела. Прихрамывая, она носилась из угла в угол, увязывала мне в дорогу какое-то барахло и бухтела, бухтела:

– Вишь, кавалерию они прислали... Стихийников у них тут отродясь не было... И не будет, с таким отношением!

Я шмыгнула носом.

– Не реви, – подлетела Яга. – Это еще не сила, а так – предвестники. Хорошо еще, не погиб никто. А за хозяйства разоренные я расплачусь, не сомневайся. Про что тебе вещун там нашептывал?

Я вспомнила черные плащи, серебряные маски, выглядывающие из-под капюшонов...

– Говорил, чтоб теперь не боялась, что учить будут.

– Ага! Эти научат...

В горницу без стука ввалился Зигфрид, серьезный и собранный, с огромным заплечным мешком.

– Фрау Ягг, нам пора.

– Бабуль, а нам обязательно вот так, на ночь глядя, убе-

гать? – вдруг испугалась я.

– Иначе никак. С утра придут эти... – Тут ведьма употребила такое слово, что даже у студента уши покраснели.

Родственница, как всегда, права. К «этим» в лапы попадать очень не рекомендуется. Недобрые мутные слухи ходят про вещунов. Некоторые говорят, что и не люди они вовсе...

– Лутоня. – Бабушка повесила мне на шею янтаринный шарик на цепочке. – Будут там спрашивать, «по какому праву вы, донья Лутеция, вступили под сень...», ты им сразу кулончик под нос. У тебя прав-то поболее, чем у других, будет.

– Хорошо. – Я спрятала подвеску в вырез мужской рубахи.

– Теперь ты, – повернулась ведьма к студенту. – Бери то, за чем приходил, передашь наставнику.

И сунула студенту ворох пергаментных клочков. Зигфрид ошалело стал распахивать добычу по карманам.

– А на словах обскажи, – Яга на мгновение задумалась, – что октавы у него проваливаются, пусть инструмент лучше настраивает. Ну все, присядем на дорожку...

Мы помолчали. Хороший обычай, правильный. Как раз чтоб вспомнить, ничего ли не забыто впопыхах. Ёжкин кот! Я ринулась к запечному тайнику и одним движением сгребла в мешок всю захоронку. Бабушка посмотрела на меня строго, потом подошла и сухо поцеловала в щеку. У меня сердце сжалось от скорой разлуки. Еще пара минут, и коренастая лошадка, терпеливо дожидаящаяся у забора, унесет меня от всего привычного и родного. Втроем мы вышли на крыльцо.

Засада! На улице нас поджидали закутанные в плащи фигуры. Первой сориентировалась Яга:

– Через изнанку пойдете. Быстро!

– Куда? – уточнил студент.

– В баню, – шепнула я, подталкивая его в нужном направлении.

Мы бросились к пристройке, я рванула на себя заледеневшую дверь, развернулась.

– Спиной вперед входи, – успела скомандовать, прежде чем ухнуть во влажное изнаночное нутро.

– Интересно девки пляшут, – пробормотал Зигфрид, осматриваясь.

А чего тут смотреть? Пыль и запустение. Как и положено. Вон только стайка мелких юрких банщиков спряталась за расколотой шайкой. Торопиться надо. Изнанка – тварь хитрая, все силы выжрет, если надолго задержимся. Хорошо еще, дорогу помню. Из лесу – на тракт, а там уж как повезет.

Послышался скрип. Барон дернулся.

– Не бойся, – взяла я его за руку. – Это в яви кто-то за нами увязался, небось вещуны обыск затеяли.

– Куда дальше?

– Ты лучше глаза закрой, а то с непривычки...

Зигфрид доверчиво зажмурился, и я его повела – сквозь стену по дорожке, вымощенной желтым кирпичом. Когда мы наконец очутились в лесу, уже занималась заря. Заря моей новой жизни.

Глава 5. Дорожная и очень грустная, в которой у путешественников появляется еще полтора спутника

*Пришел Прокоп – кипит укроп,
ушел Прокоп – кипит укроп.
И при Прокопе кипит укроп,
и без Прокопа кипит укроп.*
Скороговорка

Уф! Я, сыто отдуваясь, поудобнее пристроила у стены на-
труженные плечи. Почти седмицу тащить на себе поклажу
по заснеженной дороге, да по бездорожью, без снегоступов,
да... Ёжкин кот! Вот только жалеть себя не хватает! Поду-
маешь, барыня какая! Зигфриду вон не меньше досталось,
а может, и больше. В конце концов, он прокладывал путь,
и его заплечный мешок гораздо тяжелее. А колдовских сил
сколько пошло на обогрев, чтоб в лесу ночью не замерзнуть!
С меня-то взятки гладки. Стихия ветра затаилась и никак се-
бя не проявляла. А даже если б и проявила, толку-то... Бу-
рей холод не прогнать. Поэтому, когда мы на тракт сегодня
вышли, у студента от усталости ноги заплетались. Правда, и
прокормить его... Вот ведь кому-то обжора в мужья доста-

нется! Даже сейчас – у меня скоро пупок развяжется, а он жует как ни в чем не бывало. Трактирщик хмыкает уважительно да новые яства подносит. Зимой-то реже к нему путники забредают, вот он и рад стараться – соленья, варенья, копченья втридорога задвигает. Хорошо еще, бабуля мне кошель с денежкой в дорогу подсунула – есть чем с кабатчиком расплатиться. И медовуха здесь знатная, на травных отварах выстоянная – пьется легко, а согревает с лету. Надо бы в дорогу баклажку прикупить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.